

ВАЛЕРИЙ ПУШНОЙ

**УБИВАЮТ
НЕ КАМНИ**

Валерий Александрович Пушкин

Убивают не камни

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63959471

Убивают не камни / В. Пушкин; Скифия; Санкт-Петербург; 2020

ISBN 978-5-00025-223-9

Аннотация

В гостинице сначала происходит убийство, затем – похищение вдовы убитого. Все переплетается и запутывается. Даже те, кто изначально совершил преступление, теперь не могут понять, кто же на самом деле «дергает за ниточки» и понуждает всех сцепиться в схватке за обладание алмазным гарнитуром.

Содержание

1	5
2	39
3	56
4	88
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Валерий Пушной

Убивают не камни

© Пушной В., 2020

© Оформление. ООО «ИТД “Скифия”», 2020

1

В половине десятого утра, когда Корозов в офисе входил в свой рабочий кабинет, во внутреннем кармане пиджака раздался телефонный звонок. Глеб закрыл за собой дверь, достал смартфон, глянул на дисплей. Номер был неизвестным. А звонок – бесконечным.

Поднес к уху и услышал знакомый голос. Звонил Павел Шехов, двоюродный брат. Жил он в другой области и занимался таким же бизнесом, как Корозов. Но вчера по каким-то своим делам поздно вечером приехал в этот город. Позвонил Глебу, когда уже устроился в гостиницу. Корозов возмутился, что тот не приехал к нему. Но Павел сказал, что не хочет стеснять брата, что в гостинице ему привычнее, что он не один, а с охраной и что к Глебу в офис собирается завтра.

Услышав про охрану, Глеб удивился. Странно. Павел всегда посмеивался над любой охраной, в особенности над его. Всегда напоминал, что у Глеба весь бизнес под охраной, а, между тем, ему самому это не очень помогало, когда попадал в какие-нибудь переделки. Странно. Павел с охраной. Что могло заставить брата изменить свое отношение к охране?

С Шеховым они росли вместе. В раннем детстве тот остался без родителей и воспитывался в семье у Корозовых. Были дружны, но, когда выросли, их дороги разошлись. Павел

уехал в другой город. Каждый сам по себе начал заниматься бизнесом. Изредка их пути пересекались, проездом заглядывали друг к другу в гости или, мелькая в гостиницах, на коротке перекидывались несколькими фразами.

Сейчас из телефона прозвучал нервно-возмущенный голос:

– Представляешь, Глеб, одно ворье ошивается в этой гостинице, будь она неладна. Из-под самого носа увели телефон, концов не нашел! Проснувшись, отправился под душ, а вышел – телефона на столе нет! Исчез. Все обыскал, думал, завалился куда. Увы. Испарился. И это при том, что у двери – охрана, ребята надежные, проспать не должны. Клянусь, что никто в номер не входил и никто не выходил! А телефон, между тем, тю-тю. Мистика!

В ответ Корозов громко хохотнул. Шехов досадливо чертыхнулся и продолжил:

– Есть серьезный разговор, Глеб! Очень серьезный. Намеревался сам заехать к тебе в офис, но раз пошла такая пляска, прошу тебя сейчас приехать ко мне в гостиницу. Номер двадцать три. Буду ждать! Запомни, номер двадцать три! Двадцать три! – несколько раз взволнованно повторил, чем, в общем-то, озадачил Корозова.

Отключив телефон, Глеб сел за стол. В дверь уже заглядывали работники со срочными вопросами. На какое-то время дела отвлекли, и он, погрузившись в них, забыл о разговоре с братом. Когда наконец разобрался с делами, было уже на-

чало двенадцатого. Поднялся из-за стола. Решил на всякий случай взять с собой начальника охраны, Исаю. И вместе с ним отправился в гостиницу.

Холл гостиницы обставлен мягкими диванами с журнальными столиками. Дежурный администратор, флегматичная девушка с короткой стрижкой, накачанными силиконом губами и задумчивым взглядом, на вопрос Корозова, где расположен номер двадцать три с постояльцем Павлом Шеховым, нехотя подняла голову и объявила, что номер свободен, гость сегодня утром выехал. Глеб оторопел, как так, Павел только недавно звонил, что будет ждать. Администратор неопределенно пожала плечами:

– Ничего сказать не могу. Съехал при предыдущей смене. Моя смена началась в десять часов. Вот, – полистала журнал. – Номер двадцать три свободен. Снимал его не Шехов, а совсем другой человек.

Что за чертовщина. Чудеса в решете. Корозов был в замешательстве:

– Тогда, в каком номере поселился Шехов Павел Петрович? – спросил недоуменно.

– Шехов, Шехов, – протяжно забормотала девушка, снова берясь за журнал и листая страницы. – А Шехова у нас нет и не было! – сказала и шумно захлопнула журнал.

Глеба словно окатили холодной водой. Не мог же Павел подшутить над ним. Он вообще никогда этим не отличался.

Даже анекдоты не запоминал. Похохочет, бывало, и забудет. Какие могут быть шутки. Тут что-то не то.

Ну, пусть в журнале не записали, мало ли почему, но на самом-то деле он поселился и не один. Это же не иголка в стоге сена. Допустим, эта дежурная на ресепшен его не видела, вчера вечером была другая, но та другая выдала ведь ему ключи от номера.

Лицо Глеба застыло, глаза остановились на Исае. Начальник охраны все понял без слов. Кивнул и через холл метнулся к лестничному маршу. Заставил дежурную по этажу открыть номер. Проверил. Никого. Спустился вниз. Развел руки, озадаченно потер пальцами лоб:

– Пусто, Глеб. Шаром покати. Номер убран. Нет даже признаков того, что в нем кто-то проживал.

Действительно какая-то чертовщина. Глеб заиграл желваками. Не проверять же все номера сплошь. Павел был взволнован, когда говорил по телефону, это было слышно по его тону. Возбужден, значит, мог перепутать номер. Например, переставить цифры местами. Вполне допустимо.

– Посмотри в номере тридцать два! – Глеб наклонился над стойкой.

– Ой, ну я уже сказала, – бесстрастно протянула администратор и на этот раз нехотя дотронулась до журнала. – Нет такого посетителя у нас вовсе. А в тридцать втором поселился человек с другой фамилией.

Сдержано выслушав, Глеб выразительно поглядел на Ис-

ая. Чем черт не шутит, надо бы проверить и этот номер. А, может, пройтись и по другим номерам. Чудес-то не бывает. Впрочем, почему не бывает? Вот оно, сонное чудо, сидит за стойкой. Даже разобраться толком не желает. Тычет пальцем в журнал и долбит одно, как дятел на дереве. Однако не може человек просто так исчезнуть из гостиницы. Он был, но его не было.

Опять Исай устремился наверх. Глеб направился следом. Стоять и ждать у стойки или сидеть на одном из диванов, ловить на стенах солнечные зайчики и плавающие тени и гадать, что происходит, он не мог. Должен сам все протопать и своими глазами увидеть.

Холл был большим. Диваны со столиками расположены вдоль стен. На столиках – журналы. Между двух больших окон – высокое искусственное дерево. На окнах наполовину раздвинуты шторы, две полосы яркого света от окон падают на стены и пол, играя тенями. Стойка ресепшен чуть в стороне от этих лучей. Двери высокие двустворчатые с небольшим тамбуром.

Возле дверей лениво топчется молодой губастый охранник. Наградила природа, и силикон не нужен, как девушке за стойкой. Прохаживается туда-сюда. Сбоку от двери стоит стул для охранника. Перестав топтаться, парень присаживается на него, причмокивает губами, что-то про себя нашептывает.

Посреди холла на полу – большой ковер с густым высоким

ворсом. Ступни мягко утопают в нем.

Глеб пошел по ковру к лестнице.

Администратор безразлично посмотрела ему в спину и опустила глаза.

Мягкая ковровая дорожка на этаже гасила звуки шагов Корозова. Двери номеров – на две стороны коридора. Все одинаковые. Гладкие. Коричневые. С темными наличниками. С хромированными ручками и замками. Стены покрашены бежевой краской. Плинтус широкий под цвет дверных наличников.

Возле тридцать второго номера разминали ноги двое крепких на вид ребят. Оба в белых рубашках и джинсах. Один белобрысый, повыше ростом. Другой рыжеватый с густыми веснушками на лице. С двух сторон дверей – стулья.

Определенно это были охранники Павла. Похоже, что Павел ошибся, когда называл ему номер. Снял тридцать второй, а не двадцать третий. Странно, конечно, запутаться в двух цифрах, но что есть, то есть. Видимо, сильно обеспокоен был потерей телефона, коль даже цифры перепутал.

Охранники Шехова заметно напряглись, пока Глеб не назвал себя. После этого белобрысый, кашлянул:

– Павел предупреждал. Он ждет. – И постучал костяшками пальцев в дверь. Прошла минута, никто не отозвался, белобрысый постучал еще раз, приблизился к двери, негромко несколько раз позвал. – Павел, здесь Корозов! – надавил на

ручку двери, открыл и отодвинулся, пропуская Глеба.

Тот шагнул в номер. Исай двинулся за ним.

Номер состоял из двух комнат. В первой комнате Павла не было, стоял диван с двумя креслами, стол со стульями, тумбочка с телевизором. Глеб продвинулся к двери во вторую комнату, ладонью толкнул ее и вошел, сердясь, что брат не отвечает. Окна зашторены, в комнате мало света.

На кровати на боку спиной к двери лежал Павел. Глеб подошел, тронул за плечо и увидел красное пятно крови на простыне. Отшатнулся. Все было так неожиданно, что его обожгло, будто он прикоснулся рукой к горящим углям. Обернулся к Исаю.

Приблизившись к кровати, тот тоже увидел кровь. Мигом нагнулся над телом. Лезвие ножа глубоко вошло в самое сердце, торчала только рукоятка. Исай даже не стал нащупывать пульс. Повернулся к Глебу, показал на нож в груди Шехова:

– Точный удар, Глеб. В самое сердце. Мгновенная смерть, – взгляд устремился в сторону двери. – Охрана! Зови охрану, Глеб!

Выдох Корозова как звук взрыва ударил по стенам:

– Охрана! Охрана, черт вас побери! Все сюда! – покраснел он.

Ошеломленные криком, охранники вбежали в номер и замерли в растерянности у тела Павла, вперившись глазами в кровавое пятно.

– Кто входил в номер? – спросил Глеб, дрожа от негодования, повернув к себе белобрысого охранника и глянув на второго.

Но оба они, словно обезголосели, зевали ртами, как рыбы, выброшенные из воды, и ничего не могли выговорить. Только спустя некоторое время белобрысый все-таки с трудом хрипло выдавил, нервно дергая мочку уха.

– Никто. Никого не было.

Кажется, получить от парня сейчас другой ответ вряд ли удастся. Вот только такой ответ не мог устроить Глеба. Второй охранник также пожимал плечами и мычал что-то невразумительное. Мистика, – говорил Павел по телефону. Вот только нож в его сердце не мистический. И кто бы ни завелся в этой гостинице, Глеб подумал, что не остановится, пока не отомстит за брата.

Странно все. Сначала у Павла пропал телефон, при этом никто не заходил в номер, теперь опять никто не заходил, но Шехов лежал с ножом в сердце. Как будто сам себе воткнул его. И это уже не мистика.

Резко шагнув к окну, Исай раздвинул шторы, осмотрел подоконник:

– Как будто все нормально, Глеб. Через окно убийца не мог проникнуть. Я, по крайней мере, не вижу этого, – проговорил. – Пусть полиция смотрит.

По щеке Глеба прошла морщина, он сжал скулы и вытащил из кармана телефон. Позвонил в полицию Акламину:

– Аристарх, – проговорил сдержанно, хотя внутри у него клокотало, – в гостинице «Городская» произошло убийство. Убит мой двоюродный брат Павел. Приезжай со своими оперативниками.

В дверях номера уже теснились уборщицы и дежурный администратор. Задумчивости и безразличия на ее лице как не бывало.

Войдя в номер, она смотрела испуганно и с любопытством. Волнуясь, терла своими вспотевшими ладонями по бедрам. Невзрачная, в нескладно сидящей кофточке, в нелепой цветастой юбке, она то и дела озиралась по сторонам, как будто ждала появления еще какого-то трупа.

Подозрительно посмотрев на нее, Глеб возмутился тем, как она недавно убеждала, якобы в гостинице нет Шехова:

– Почему ты меня обманывала? – спросил. – Это кто, потвоему?

– Это не Шехов, это Павлов, – тихо произнесла девушка. – В журнале он записан как Павлов.

Корозов махнул рукой, дескать, что с тебя возьмешь. У него чуть не вырвалось обругать ее куклой с глазами и надутыми силиконом губами, но он подавил себя, потому что глупо было срывать свое зло на испуганной работнице.

Между тем, она стала защищаться:

– У нас паспортные данные. Мы же с паспорта записываем.

– А без паспорта в вашей гостинице никто не прожива-

ет? – усмехнулся Глеб. – Если сейчас пойдём по номерам, проверим! – конечно, он не собирался идти по номерам, но он увидел, как девушка тут же притихла и не стала с ним спорить. – Будете ещё рассказывать мне про паспорт с фамилией Павлов!

Вскоре прибыла группа оперативников с Акламиным во главе. Аристарх осмотрел место преступления.

Приступив к работе, опера попросили посторонних удалиться из номера.

Исай направился к выходу. Глеб с Аристархом вышел в первую комнату. Оба разместились за столом, и Глеб подробно рассказал, что происходило до обнаружения трупa.

Оперативники нашли в кармане пиджака Шехова документы, положили на стол перед Акламиным. Тот прочитал их и попросил Глеба повторить фамилию убитого. Корозов твердо повторил. Тогда Аристарх протянул ему паспорт:

– Ты не ошибаешься, Глеб? Это действительно твой двоюродный брат? Посмотри. По документам это Павлов Иван Иванович.

Глянув, Глеб покрутил в руках и положил на стол:

– Могу сказать только одно. Видно, Павлу зачем-то понадобилась эта липа. Я вижу это первый раз. И никогда разговора с ним на подобную тему у нас не было. Самому теперь интересно, зачем ему понадобился паспорт на другую фамилию? Между тем, это Шехов, мой двоюродный брат. Мы с

ним вот с таких лет росли вместе. Мои родители воспитывали его как своего сына. Я уже рассказывал, утром он мне звонил, мы с ним говорили. У него ко мне был какой-то серьезный разговор. Но какой, он не сказал, и я даже не догадываюсь, о чем хотел сказать. Но вот сейчас мне вдруг пришла мысль, может, не случайно он назвал номер двадцать три. Несколько раз повторил. В этом что-то кроется. А по поводу его личности можешь спросить у его охранников. Они за дверью топчутся.

Охранников задержали, в этих обстоятельствах они первые попадали под подозрение.

Опера тщательно осмотрели номер. Телефона Шехова не было.

После Корозова Акламин пригласил дежурного администратора. Девушка вошла из коридора, опасливо поглядывая на дверь во вторую комнату. Вся была как на иголках. Труп в ее смену. Это серьезно. Она определенно перепугалась. Теперь затаскают. Теперь всех собак на нее вешать будут.

На вопросы Аристарха отвечала скованно, зажималась, проглатывала слова. Среди прочих вопросов, связанных с убийством в номере, Аристарх задал и другой:

– А кто у вас жил в двадцать третьем номере?

– В журнале учета все записано, – быстро, без запинки проговорила девушка, – можно прямо сейчас посмотреть.

– Я бы хотел посмотреть прямо сейчас, – сказал Акламин и отправил ее за журналом, а сам пригласил поочередно к

себе дежурную по этажу и уборщиц в номерах, чтобы задать вопросы им.

Приостановившись в коридоре, Корозов вспоминал, не упустил ли какие детали в своем рассказе, которые могли бы помочь Аристарху.

Видел, как к нему прошла дежурный администратор, как она потом быстро выбежала из номера и заспешила вниз по лестнице. Видел, как дежурная по этажу и уборщицы пугливо жались к стенке возле двери номера, ожидая вызова для беседы. Окинул взглядом сбившихся в кучку любопытствующих постояльцев из других номеров, вздохнул и стал медленно вместе с Исаем спускаться в холл гостиницы.

Направился на ресепшен, увидав за стойкой склонившуюся над столом дежурного администратора, чтобы узнать, кто проживал в двадцать третьем номере? Девушка сидела на стуле неподвижно, уронив руки и голову на столешницу. Как будто дремала. Поразился, нашла время дремать. И вдруг заметил на ее голове кровь. Оглянулся на Исяя:

– Посмотри! – показал на кровь.

Начальник охраны метнулся за стойку, пощупал у девушки пульс.

– Ну? – спросил Глеб.

– Живая, – приподнял ее голову.

Девушка дышала. Глеб облегченно вздохнул, фу-ты, час от часу не легче. Похоже, в этой гостинице все заварено

вкрутую. Помог Исаю перенесли девушку на один из диванов в холле. Ее окружили невесть откуда взявшиеся работники гостиницы, стали оказывать первую помощь, приводить в чувство.

Она открыла глаза, долго смотрела непонимающими глазами на людей. А когда стала постигать, что с нею и, видно, что-то вспомнив, в горячке начала подниматься. Ее пытались удержать, но она настырно оттолкнула всех и села. Огляделась, встала на ноги, и, покачиваясь, двинулась к своему рабочему месту. При этом повторяла:

– Мне срочно надо, меня ждет полиция.

Подошла к столу, и только тут до ее сознания окончательно дошло, что некоторое время назад здесь за этим столом с нею что-то произошло, вспомнила, как заметила сбоку от себя мужскую фигуру, которая стремительно зашла за стойку, а дальше ее память отсекло.

– Я хотела сказать ему, что за стойку посторонним заходить не положено, – пролепетала она растерянно и руками схватилась за голову, ощутила боль и запекшуюся кровь на волосах, посмотрела на свои пальцы, они были в крови.

– Ты запомнила его лицо? – спросил Исай.

– Нет, – испуганно отозвалась она. – Я не видела его. Только рубашку. – Взгляд ее пробежал по столешнице, она торопливо взяла журнал и озадаченно замерла.

Корозов внимательно смотрел на нее:

– Что-то не так? – спросил, наблюдая, как изменились ее

лицо.

– Да, – кивнула она и неуверенно произнесла. – Все не так. Вот здесь лежали квитанции с анкетами. Где они? Их нет. Я их не вижу. Пропали.

Исай грудью навалился на стойку:

Посмотри внимательней. Может в стол сунула и забыла.

– Нет, это исключено, – она задвигала ящиками стола. – Нету. Их совсем нету. Ни одной.

В гостинице существовал порядок, по которому приезжающие гости сами заполняли коротенькую анкету и расписывались в ней. Анкеты лежали в картотеке на столе у дежурного администратора до тех пор, пока человек не выезжал из гостиницы. Когда посетитель покидал гостиницу, ему выписывали квитанцию, а к ее копии подкалывали анкету, и раз в сутки накопившиеся документы передавали в бухгалтерию.

Придя на смену, девушка приняла их от сменщицы, сколола все вместе, чтобы отнести в бухгалтерию. Но развернувшиеся в гостинице события отвлекли от бумаг, и она вспомнила о них лишь теперь. Перелистала журнал. С ним все как будто было в порядке. Глеб обернулся к собравшимся в холле людям:

– Из вас никто не заметил этого мужчину? – обвел всех глазами.

Большинство стало пожимать плечами и отрицательно закрутило головами. Но вперед выступила пожилая дама в очках, в красивой кофточке и в длинной юбке:

– Я не видела, как ударили девушку, – проговорила она тоном весьма культурного человека, – но видела, как из холла выбежал молодой человек. Я как раз входила с улицы. Он попался мне навстречу. Знаете, такой, ну, этакий, невзрачный, ну, в общем, ничего особенного. Как все молодые люди в нынешнее время. В обыкновенном пиджаке.

Толпа устремила на нее свои взгляды, а Корозов попросил вспомнить приметы молодого человека. Пожилая дама обидчиво, видя, что ее объяснение не удовлетворило Глеба, фыркнула:

– А примет никаких нет. Ничего особенного. Пиджак обыкновенный, поношенный, цвет, знаете, такой, не черный и не коричневый, а какой-то грязновато-невообразимый, борта прострочены, но вот здесь, на правой поле, – она таким отстраненным движением показала на себе, – порван, прямо нитки торчат. Брюки чуть отличаются по цвету, больше, знаете, в темно-зеленый фон, но тоже видно, что не новые, ношенные, это же сразу определишь. Знаете, бывают люди, сто лет одну вещь носят, а она всегда как новая, а бывают, наоборот, один раз наденут, и после этого вещь от старой не отличишь. Да, еще, туфли на нем были обычные, не скажу, что очень дорогие, но и не дешевка какая-нибудь. Нет. Поверьте, я знаю в этих вещах толк. А, кроме того, вот вспомнила еще, над правой бровью наклейка из пластыря была. Такая аккуратная полоска.

Вздыхнув, Глеб спросил:

– И вы это все сразу увидели? Ведь сказали, что только столкнулись с ним в дверях.

Пожилая дама покровительственно заметила:

– Молодой человек, во-первых, я не говорила, что столкнулась с ним. Не хватало еще мне, пожилой даме, с моим достоинством, сталкиваться в дверях, извините, с молодыми людьми. Еще скажите, что он чуть не сбил меня с ног. Нет, молодой человек. Я говорила, что видела, как он выбежал из холла. А во-вторых, молодой человек, почему вы удивляетесь тому, что я что-то на нем заметила? Настоящая женщина, извините, такие вещи замечает не только на бегу, но даже на лету! Вот, например, на вас надет дорогой костюм и красивые дорогие туфли, а это значит, что вы состоятельный человек и со вкусом, или у вас есть женщина с хорошим вкусом, которая подбирает вам одежду. И нормальная дама, вроде меня, не может не обратить на это внимания.

Улыбнувшись, Глеб кашлянул. Попала в яблочко, в самую точку угодила. Как будто насквозь просветила. Ведь так и есть, без жены Оленьки он ничего сам себе не покупает. А у нее вкус безупречен. Достаточно ей разок на вещь взглянуть, чтобы определить, подойдет ему или нет.

Пожилую даму, между тем, возмутила его улыбка и покашливание, как будто он насмешничал над нею:

– А как же, молодой человек? – воскликнула она. – Костюм и туфли – это часть вашего лица!

– Ну, хорошо, хорошо, – пробормотал Глеб, – оставим мое

лицо в покое. Сколько примерно лет было тому молодому человеку, который выбежал из холла?

– Почему же примерно? – обидчиво произнесла пожилая дама, – Я вам точно скажу. Тридцать пять, не больше.

Поблагодарив пожилую даму, Корозов попросил:

– Поднимитесь на этаж, расскажите все это полицейским.

– Я всегда рада помочь нашим правоохранительным органам, – отозвалась дама.

– Проводи ее к Акламину и расскажи о том, что произошло здесь, – сказал Исаю.

Начальник охраны вежливо взял даму под локоть:

– Прошу вас, уважаемая, – сказал, откинув челку с высокого лба.

– Очень вам признательна, молодой человек, – поблагодарила дама, двинувшись по холлу к лестнице, сквозь расступившуюся толпу. – Но вот что я вам скажу, молодой человек. По лестницам ходить под ручку не принято у культурных людей. Правильно будет, если наверх вы пойдете несколько впереди меня. А вот если бы мы с вами спускались вниз, тогда вы должны были бы пойти сзади меня.

– Конечно, конечно, не беспокойтесь, – ответил Исай. – Мы так и сделаем.

– Я не беспокоюсь, молодой человек. По вашему виду, вы надежный спутник, с вами женщине можно ничего не бояться. Вы всегда защитите и не обманете ее. Таких в теперешнее время среди молодых людей очень мало. Все больше мамень-

кины сынки. Все больше в нынешнее время матерей-одиночек. А разве могут они вырастить настоящего мужчину? Нет, конечно. Вот и получается, ни рыба, ни мясо. А если их еще и от армии прячут, придумывают разные болячки, тогда совсем дело плохо. А вы думаете, почему сейчас в моду вошло разнообразное сожителство вместо законного брака? Да все потому же, молодой человек, что не стало настоящих мужчин, способных брать на себя ответственность и быть защитниками женщин. А если они не могут защитить женщину, то какие же из них защитники Родины? Никакие, молодой человек, совсем никакие. Ведь они не только защитить женщину, но и себя защитить неспособны. Вот потому и девушки с такими, простите, мимозами не хотят идти в ЗАГС. А вы, молодой человек, совсем другой. Я хорошо вижу это. Вот не посчитайте мои слова за оскорбление, но я бы вам посоветовала сменить ваш джинсовый наряд, хотя не отрицаю, он вам к лицу, но все-таки сменить его на хороший костюм. Костюм вам пойдет больше. В костюме вы будете гораздо привлекательнее. И еще очень хорошо, что вы быстро обучаетесь. Вот видите, как мы с вами правильно поднялись по лестнице. А теперь возьмите меня под руку и ведите к месту нахождения полиции.

Исай взял пожилую даму под локоть, и они по мягкой ковровой дорожке направились к тридцать второму номеру, где работали оперативники.

Проводив глазами Исай и даму, Глеб повернулся к дежур-

ному администратору:

– А кто проживал в двадцать третьем номере?

Вспомнив, что именно это хотел знать полицейский, девушка заглянула в журнал, прочитала:

– Найков Олег Олегович.

Задержав дыхание, Глеб насупился. То Иван Иванович, то Олег Олегович. Записал адрес Найкова, спросил:

– Как выглядел он?

– Я не видела его, – пожалала плечами девушка и дополнила, – однако дежурная по этажу может знать. Спросите у нее, – прижала к груди журнал, вышла из-за стойки и понесла Акламину.

Препроводив пожилую даму к Аристарху, Исай нашел дежурную по этажу и расспросил о приметах того, кто селился в двадцать третьем номере. Однако дежурная мямлила в ответ такие же слова, что и пожилая дама. Обыкновенный, как все, ничего особенного, примет никаких.

Через два дня приехала жена Шехова для опознания трупа мужа. Глеб сам встретил ее на автовокзале. Правда, удивился про себя, что приехала на автобусе, а не на своей машине. Но спрашивать не стал. Сразу отвез ее к Акламину и затем в морг. Она опознала, но не смогла ни Глебу, ни Аристарху объяснить, почему у мужа оказался паспорт на имя Павлова Ивана Ивановича. Она также не смогла объяснить, с какими вопросами тот приехал к Корозову. Не могла ответить, какие

проблемы были у мужа в бизнесе и что особенно волновало его последнее время. Не знала, были ли у мужа враги. Иначе говоря, на все вопросы просто пожимала плечами. Все это не очень понравилось Глебу.

Он плохо знал жену Павла, она была третьей у того. Видел до этого всего два раза, да и то коротко. В конце концов, решив, что женщина сейчас находится в таком состоянии, когда трудно отвечать на любые вопросы, перестал задавать их. Давила досада. Все как будто было окутано плотным туманом, сквозь который ничего не было видно.

Убийство двоюродного брата выбило Глеба из колеи, но он не видел связи между его смертью и собой. И Найков из двадцать третьего не вызывал у него никаких вопросов. Глеб решил, что корень зла зарыт в городе, в котором жил Шехов, а раз так, это дело полиции.

Между тем Акламин отправил по адресу Найкова одного из своих оперативников. И вскоре тот сообщил, что по этому адресу такой не проживает. И никто не знает, кто это есть. Проверили в паспортном столе, паспорт был фальшивкой.

Итак, результат проверки опером оказался отрицательным, впрочем, это тоже результат. Дело запутывалось.

На ручке ножа остались отпечатки, но экспертиза показала, что это отпечатки самого Павла. Просто и понятно. Самоубийство. Ибо больше никаких отпечатков в номере не обнаружили. И если бы не фальшивка по фамилии Найков, и не покушение на дежурного администратора, то все сосредото-

чилося бы на одних охранниках убитого. Или они убили, или выпустили убийцу. И тут возникает вопрос, кто такой Найков, и кто напал на девушку и выкрал бумаги? Какая связь между ними и убийством Шехова? В этом следовало разобраться.

Аристарх не сомневался, что Павел не ошибся, назвав Корозову номер двадцать три, очевидно, он чего-то опасался и хотел обратить внимание на человека из этого номера.

Но странность была еще в том, что никто толком не смог описать внешность Найкова. Если Найков и человек, напавший на дежурного администратора, это одно и то же лицо, тогда показания пожилой дамы, единственная зыбкая зацепка. Тогда похищение бумаг можно объяснить, ведь на анкете наверняка оставались отпечатки пальцев, и они могут быть в картотеке, да и почерк мог что-то раскрыть операм.

Короче говоря, в этом деле придется покопаться.

Через две недели после похорон Павла, его вдова неожиданно позвонила Корозову и попросила о встрече с ним. Глеба удивила просьба:

– Ты хочешь, чтобы я приехал к тебе?

– Нет, я хочу подъехать сама, – ответила она.

– Ну, пожалуйста, – согласился Глеб. – Я буду ждать.

Еще через день ранним утром у него опять раздался ее звонок. Глеб, собравшись на работу, в рубаше и галстукe сидел вместе с женой Ольгой за столом в кухне, пил чай.

Жена улыбалась ему милой улыбкой и подливала в стакан.

Ее в пастельных тонах красота, была глубокой и притягивающей. Глеб всегда любовался ею, и ему всегда ее было мало. Она тоже собиралась на работу, но ей надо было выезжать позже, потому сидела в коротеньком домашнем халате и домашних тапочках.

А вдова Павла вдруг сообщила:

– Я уже приехала, Глеб, нахожусь в гостинице «Городская», в тридцать втором номере.

Он поперхнулся, не ослышался ли:

– Ты не шутишь? Когда приехала?

– Не до шуток, Глеб, – ответила она. – Я точно приехала. Автобус прибыл ночью.

Секунду Корозов помолчал. Странно, опять приехала на автобусе, а не на своей машине. Встретив вопросительный взгляд жены, посмотрел на часы на стене и пообещал вдове:

– Через час-полтора буду у тебя! – а потом пояснил жене. – Вдова брата в «Городской», в том же номере, где убили Павла. Я тебе говорил, она обещала подъехать, но не думал, что так стремительно соберется. Видно, что-то серьезное, раз такая спешка. Может, что-то связанное со смертью Павла. Не знаю.

– Ты только один не езд, – попросила она, в ее красивых с дымчатым оттенком глазах появилось беспокойство. – Может, Аристарху позвонить?

– Не волнуйся, Оленька, – успокоил Глеб, поднялся из-за стола, поцеловал ее в щеку, надел пиджак. – Конечно, один

не поеду.

Как и в прошлый раз, Глеб взял с собой Исяя и отправился в гостиницу. В холле, как и прежде, народу было немного. За стойкой ресепшен была та же невзрачная девушка с короткой стрижкой. В другой, но так же нескладно сидящей, кофточке. Все как-то ненормально начинало повторяться.

Он направился к стойке.

Нехотя вяло девушка улыбнулась ему, узнав. Поприветствовала:

– Вот кого не ждала. Как бы чего опять не случилось.

– Как голова? – поинтересовался он. – Зажила?

– Сотрясение было, – неохотно сказала девушка. – Но все прошло.

Глеб глянул на табличку с ее именем и фамилией. Эта табличка была и прежде, но тогда он даже не посмотрел на нее, не думал, что придется еще встретиться. Внимательно прочитал: Оксана Юльевна Воброва.

Ее бесстрастный взгляд остановился на лице Глеба:

– Что сейчас привело к нам? Какие опять проблемы? Имя-то хоть узнать можно? – туман сполз с лица и глаза стали чистыми с четко выраженными крупными зрачками.

– Можно, – сказал Корозов и назвал себя. – А теперь, коль познакомились, посмотри, Оксана, ночью вселилась Шехова Любовь Станиславовна. В тридцать второй номер.

Воброва моргнула и голос прозвучал монотонно:

– Опять та же фамилия. Какое-то помешательство на этой

фамилии. Может, лучше другую какую-нибудь посмотреть?

– Да нет, другой не надо, – сказал Глеб. – Посмотри Шеву Любовь Станиславовну.

– А что смотреть? – протянула Оксана, двигая руками по журналу. – Не нужно куда смотреть, ночью было мое дежурство. Через полчаса меня будут менять. Так вот, ни вечером, ни ночью я никого не селила в гостиницу, никто не заезжал.

После ее слов наступила пауза. У Глеба расширились глаза. А Исай, уже не дожидаясь команды Корозова, сорвался с места.

Мигом взлетел по лестнице, едва не сбивая с ног всех, кто встречался на пути, подбежал к столу дежурной на этаже. Узнал ее, и она его тоже узнала, посмотрела вопросительно.

Сегодня она была с другой прической и в другом платье. Круглое лицо чуть помято от недосыпа. Она была примерно в тех же годах, что и дежурный администратор на ресепшен, только явно старалась следовать моде, хотя вкусом достаточным не обладала. Впрочем, одежда на ней сидела несколько лучше, чем на администраторе и не была в глаза вычурными красками. Фигура, правда, была бабья, что не вязалось с ее возрастом. Хотя и лицо было больше бабье, чем девичье. И голос с хрипотцой немолодой женщины. В общем, природа где-то допустила ошибку, а исправлять не стала.

– Кто у тебя в тридцать втором? – резко спросил Исай,

впиваясь в нее колкими холодными глазами.

– В тридцать втором? – переспросила дежурная, как будто плохо расслышала, и наморщила низкий, но широкий лоб, словно вспоминала, но ответила без задержки. – Тридцать второй – пустой.

– Открой двери! – Исай протянул руку. – Ключ!

– Зачем? – как и прошлый раз стала противиться она, и даже не пошевелилась на своем стуле. – Я же говорю, номер пустой! – повторила, явно не желая выполнять его просьбу. – Что там смотреть? Только впустую дверями хлопать! – но, видя, что Исай не отступает, пробурчала с хрипотцой. – И что за люди, им говоришь, а они, как дятлы упертые, долбят и долбят свое. – Вытащила из стола ключ и бросила на столешницу перед собой.

Открыв номер, Исай прошел по комнатам. Номер действительно был пуст. Он осмотрел его тщательно, заглянул во все углы и уголки, в шкафы, обследовал окно, глянул на дежурную, маячившую у него за спиной. – Давно из номера выехали?

– Последний раз отсюда вынесли вперед ногами, – вздохнула дежурная и напомнила. – Да ты должен помнить. После того случая никого не селили, хотя все спальные принадлежности заменили на новые. Вот, посмотри, кровать новую поставили, матрас новый, простынь, покрывало и наволочки на подушках новые. Ну, все. Видел же сам. А как же иначе? – А ночью сегодня кого селили?

– Если бы селили, куда бы он делся? Здесь бы и был. Никого не селили. Ночь сегодня вообще спокойная была. Я даже вздремнула от безделья. Вон там, у окна, у нас небольшой диван. Ноги, правда, не вытянешь в полную силу, да ничего, и так неплохо! – отрывисто проговорила дежурная.

Вновь пройдя по номеру, Исай в спальне заглянул под кровать, приподнял покрывало, сунул руку под подушку, под матрац и почувствовал, как палец на что-то наткнулся. Протянул руку чуть дальше и ухватил то, что попало под пальцы, зажал в ладони. Потом вытащил из-под матраца руку, не разжимая ладони, откинул подушку, отбросил покрывало.

За всем, что он делал, дежурная цепко следила. И поправляла то, что он двигал, открывал или трогал, так же поправила и постель после его осмотра.

Чтобы не привлечь внимания дежурной к находке, Исай не разжимал ладони. Вернулся в первую комнату, раздвинул шторы, проверил еще раз окно, огляделся. И пошел к выходу. Дежурная снова задвинула шторы. Он вышел из номера, подождал, когда дежурная закроет дверь.

– Говорила же, – бурчала она себе под нос, – так нет, не поверил.

– Странно, – сухо сказал Исай. – А куда же делась постоянщица?

– Ну, какой же ты дубовый! – повысила голос дежурная. – Говорю же, никого не было. Постоящицу какую-то придумал. Ты же во все дырки заглянул. Если бы была, нашел бы. И

зачем нам в этот номер селить? У нас вон еще есть пустые номера. Если хочешь, можешь проверить.

Согласившись посмотреть пустые номера, он крепче сжал кулак.

Вернувшись к своему столу, дежурная достала из ящика два ключа и повела Исаю за собой. Открыла два разных номера.

Он осмотрел их без особого интереса. После этого направился к лестнице, чтобы спуститься в холл, где нетерпеливо прохаживался по ковру Корозов. Спускаясь вниз, приостановился, посмотрел, что было в ладони, озадаченно сунул в карман и поспешил дальше.

Из-за стойки с любопытством выглядывала Воброва. Около нее стояла сменщица. Оксана что-то негромко говорила ей, передавая смену, и не выпускала из поля зрения Исаю.

Он поймал ее взгляд, и она отвела глаза.

Корозов встретил начальника охраны вопросительным взглядом. Тот покрутил головой, громко произнес:

– Чисто, Глеб. Просто под метелку.

Наступила пауза. Глеб был обескуражен. Не сразу, но твердо выговорил:

– Этого быть не может! Не может быть и все! Она мне сама назначила встречу! Мистика! Шехова нашли мертвым, а ее вообще нет! Не верю, чтобы не приезжала. Зачем бы она звонила мне? К чему устраивала бы такую комедию? Может,

я что-то не так понял? Но такого тоже не может быть! Я еще не выжил из ума! И она человек адекватный. Сидеть дома и сообщать мне, что звонит из гостиницы, нелепость какая-то. Ерунда. Чушь полная. Можем это проверить! – набрал домашний номер жены Павла. Ждал долго, потом отключил, сказал. – Не отвечает. Все правильно. Кто может ответить, если она уехала на встречу со мной? – опять глянул на дисплей телефона, полез в его память. – Она утром мне звонила со своего смартфона. Сейчас, сейчас. Так, вот, нашел. Звоню, – ждал, пока компьютер не ответил, что телефон отключен или находится вне зоны досягаемости.

Помрачнев, Корозов пихнул телефон в карман.

Выйдя из-за стойки, Воброва приблизилась к Глебу:

– Моя смена закончилась, Глеб. Теперь все вопросы к моей сменщице. Но я надеюсь, ты убедился, что я тебя не обманула?

– Мистика, Оксана, мистика, – растерянно качнулся он всем корпусом.

– Может быть, над тобой элементарно подшутили.

– В прошлый раз тоже можно было подумать, что подшутили, – сказал он. – А шутка вылилась в труп. Боюсь, как бы и на этот раз чего не произошло. Гостиница у вас весьма, – чуть помолчал, подбирая слово, – специфическая.

– Ничего подобного, – не согласилась Оксана, – самая востребованная в городе, – постояла, ожидая, что он скажет на это, но Глеб молчком отвернулся, она пожала плечами, и на-

правилась к выходу.

– Черт знает что, а не гостиница, – поморщился после ее ухода Корозов, развернулся и тоже двинулся к двери.

Когда сели в машину, Исай вытащил из кармана находку и протянул Глебу:

– Я не стал при всех показывать. Нашел под матрасом. Обшарил весь номер, нигде – ничего, а под матрасом наткнулся. Женский перстенок.

Взяв, Глеб присвистнул:

– Ничего себе перстенок! Перстенок! Ты знаешь, какая цена этому перстеньку? Это же бриллиант чистой воды и огромных размеров! А какой обработки! Играет на солнце!

– Дежурная за мной секла неотступно, но не заметила, что я его умыкнул! – пояснил Исай. – Знала бы только она, что лежит под матрасом. Вот о чем я думаю, Глеб, если в номере, как говорила дежурная, никто после убийства твоего брата не жил, то откуда этот перстенок появился, тем паче, что кровать, матрас, постельное белье полностью обновили? Не уборщица же подложила это. Думаю, что вдова Шехова была. Куда подевалась, не знаю. Но после нее видимо в спешке приводили номер в порядок. И не проверили как следует, просто не подумали заглянуть под матрас. Кому на ум придет, что там может быть что-то оставлено? Я чисто случайно сунулся туда рукой.

– Никому, похоже, в этой гостинице доверять нельзя, Ис-

ай. Все очень настораживает. И перстенок не простой смертный оставил. Ты правильно сделал, что умолчал о находке, надо сначала самим поразмыслить над нею, а то дежурная тебе быстро лапшу на уши навешала бы, сказала б, что это ее наследство от бабушки, что потеряла перстень, когда кровать застилала. Или еще что-нибудь выдумала бы. Давай-ка завернем к Акламину. Пусть разберется в этой истории. Не думаю, что вдова разыгрывала меня по телефону. Но думаю, что здесь есть какая-то связь с убийством Павла. Вполне возможно, что перстень оставила она, а, следовательно, это головоломка для Аристарха.

В легком костюме Акламин поднялся из-за стола на встречу Глебу. Как обычно прям и чисто выбрит. В глазах всегдашняя озабоченность. Как говорится, дел по горло, некогда разогнуться. Пашешь, пашешь, а работы не уменьшается. Не успел распутать одно дело, как подкатили еще два и больше. Круговорот.

Протянув руку для пожатия, Глеб с места – в карьер. Рассказал о звонке Шеховой, о поездке в гостиницу и положил на стол перед Аристархом перстень:

– Вот, полюбуйся. Это весьма дорогая штучка, – сел на стул, стал ждать, что тот ответит.

Положив на ладонь перстень, Акламин внимательно осмотрел. Глянул на свет, бриллиант заиграл в лучах солнца.

– Неплохо было бы показать его специалистам, – проговорил Корозов. – Интересно, что скажут они? Впрочем, я на-

перед знаю, что они скажут. Сейчас это не так важно. Меня интересует, куда делась вдова? Чудеса в решете. И что ей нужно было от меня, ума не приложу. В прошлый раз Павел что-то хотел сказать, а на сей раз – она. Не кажется тебе все это странным? Телефоны ее молчат, – он еще раз набрал номер, включил громкую связь. – Вот послушай, – но никто не ответил. – Такие пироги, Аристарх, – развел руками. И вдруг оживился. – А ну-ка погоди, у меня где-то был телефон офиса вдовы. Приходилось звонить Павлу прежде. – Залез в память телефона. – Так, так, так, вот он. – Набрал номер, тот ответил, трубку взяла секретарь, Корозов обрадовался, представился, спросил. – Подскажите, девушка, где мне найти Шехову Любовь Станиславовну?

Ответ последовал не сразу, слышно было, как она кому-то задала подобный вопрос, а потом отозвалась, попросила его позвонить Шеховой домой.

Круг замкнулся. В фирме ничего не знали об отбытии вдовы из города. Или она не отбывала, что маловероятно, или сделала это тайком. Непонятная таинственность.

Неожиданно Акламин спросил:

– Ты уверен, что тебе звонила именно Шехова, точно узнал ее голос?

– Конечно, уверен, – оторопело протянул Глеб, вопрос Аристарха внезапно заронил в нем сомнение. А ведь и действительно, вдруг это был не ее голос, он же почти совсем не знал вдову. Между тем, возмутился. – А тридцать второй

номер гостиницы? А перстень? Я не думаю, что с Шеховыми все это произошло потому, что они приехали ко мне. Но в этом есть какая-то ненормальность. Конечно, звонила она, и звонила из гостиницы. Исключено, что был не ее голос.

– Я пока ничего бы исключать не стал, – осторожно заметил Аристарх. Лицо было серьезным. – Все возможно.

В голосе Глеба появилась нетвердость:

– По-твоему получается, что все, что произошло с Павлом и его вдовой, связано с моим именем. Я не вижу никакой связи!

– Тем не менее, телефонный звонок именно тебя привел в тридцать второй номер. А если перстень оставила вдова, то только с одной целью, чтобы ты нашел его и убедился, что она была в номере. Но даже если это не ее перстень, то тот, кто положил его под матрац, тоже хотел, возможно, чтобы ты его нашел.

– Интересно у тебя получается, Аристарх, – голос Глеба натянулся, как струна. – Все концы сходятся на мне. Ерунда какая-то, – отмахнулся. – А ведь ты можешь быстро узнать, ее это перстень или нет? Не в безвоздушном пространстве жила она, кто-то, наверняка, видел его на ней. В таких вещах, обычно, появляются на торжествах. А этот перстень очень дорогой. Я не сомневаюсь, что он не существует сам по себе, это, наверняка, часть гарнитура. В гарнитур, как правило, помимо перстня, входит еще кольцо, серьги и браслет. Ты даже не представляешь, сколько все вместе может стоить. Аст-

рономическая цена. Интересно, где все это?

– Зачем мне знать про этот гарнитур? – пожал плечами Аристарх. – Есть ли он на самом деле? И какая связь всего этого с убийством Шехова? Пока не вижу. Ты говоришь, перстень дорогой. Приблизительно назвать цену можешь?

– Думаю, не меньше стоимости хорошей дорогой машины.

– Да ты что? А сколько же тогда стоит весь гарнитур, если он, конечно, существует?

– Страшно представить, – сдержанно произнес Глеб. – Так что дежурная по этажу или уборщица случайно оставить такой перстень под матрасом не могла, тем более, если бы он достался от бабушки. У таких вещей своя особенная жизнь, они живут, как люди. – Корозов сделал паузу и закончил: – С Шеховой в гостинице что-то случилось, Аристарх. Надо ее искать.

На следующий день Акламин отправил оперативника в командировку в город, где проживала вдова. В кармане у того лежали снимки перстня и адрес Шеховой с ее телефонами.

Через сутки оперативник встретился с домработницей вдовы, и та сообщила, что хозяйка трое суток назад по собственной инициативе предоставила ей недельный отпуск и ничего не объяснила. Оперу потребовалось еще пару дней, чтобы опросить круг близких знакомых и друзей Шеховой. Но никто из них не знал, где могла находиться та.

Конечно, предполагать можно было, что угодно, искать

бесконечно долго, но Акламин решил остановиться на информации, которую получил от Корозова. Они снова встретились. Аристарх вернул ему перстень с частью снимков. И попросил держать его в курсе событий, которые могут еще произойти и будут так либо иначе связаны с именем Шехова.

2

В тот же день Глеб по телефону разыскал Воброву и поехал в гостиницу для разговора с нею. Ее беспристрастные глаза встретили его все из-за той же стойки. Она кивнула как старому знакомому:

– О чем же мы будем говорить, Глеб? О чем-нибудь новом или все по одной и той же теме? О трупe Павлова в тридцать втором номере, которого ты называешь Шеховым?

– Именно потому и называю, Оксана, что это был Шехов, его опознала его вдова, которую я нигде не могу найти после того, как она побывала в этой гостинице.

– Не передергивай карты, Глеб, – поморщилась она. – Не было у нас никакой вдовы.

– Где бы нам спокойно переговорить? – спросил он.

Она молчком поставила на стойку табличку с надписью «перерыв» и вышла из-за стойки, пригласив Глеба с собой. Под ее нелепой одеждой чувствовалась неплохая фигура. Ноги ровные, но туфли на ногах, вероятно, еще бабушкиного фасона. Волосы густые, короткие, с простенькой прической.

Из холла она провела Глеба по коридору гостиницы в служебный номер. Вежливо пригласила войти.

В номере стоял большой угловой диван, два кресла, стол со стульями и хрустальным графином посередине и шкаф.

Поведя глазами по сторонам, Оксана жестом предложи-

ла Глебу располагаться на любом месте, где ему понравится. Сама села на диван, провалившись в его пышность и выставив колени, как бы обращая внимание на то, что она не только администратор, но еще и девушка.

Глеб сел против нее на стул. Она заговорила деловым тоном:

– В нашей гостинице не было никакой Шеховой. Если ты хочешь снова говорить об этом мифе, мне нечего будет сказать в ответ. Нельзя же, в самом деле, серьезно вести разговор о том, чего нет. Она якобы звонила тебе из нашей гостиницы, но это полная белиберда. Твой охранник все проверил. О чем еще можно говорить? – в ее голосе было некоторое раздражение, которое никоим образом не отражалось на ее лице. Она продолжала. – С другой стороны, я не исключаю, что из нашей гостиницы иногда могут исходить звонки от женщин, которые не зарегистрированы у нас. Я не хочу этого скрывать. Мы лояльны к нашим гостям, я в первую очередь имею в виду мужчин, они пользуются иногда услугами женщин определенного поведения, мы не препятствуем этому, но и не отслеживаем этого. Мы не имеем права вмешиваться в частную жизнь людей. Твоя знакомая, она красивая женщина?

Достав из кармана смартфон, Глеб нашел в его памяти фото вдовы. Снял ее, когда та приезжала на опознание. Показал Вобровой. Та внимательно всмотрелась:

– Красивая. Мужчинам такие женщины нравятся.

Внимание Корозова заострилось на том, как Оксана быстро постаралась взять инициативу разговора в свои руки. Он воспринял это спокойно и даже с удовлетворением, ибо знал, что взявший на себя такую инициативу должен много говорить, а когда женщина много говорит, она, определенно, скажет что-то лишнее, и в этом лишнем могут появиться свои плюсы для собеседника. Наклонил голову:

– Красивая, – подтвердил. – Но она не из тех женщин, которые на ночь приходят в номера к мужчинам.

На лице у Вобровой появилось выражение скуки, словно она услышала от Глеба несусветную чушь. Усмешливо парировала, и на глаза наплыла обычная туманность:

– Перестань, Глеб, ты же взрослый человек. Любая женщина придет в номер к мужчине. Для этого нужна самая малость: стимул. У каждой женщины он свой и своя мотивация.

– Хорошо. – Глеб ухватился за ее слова. – Допустим, ты права. В таком случае, ты должна была видеть ее с кем-то из ваших гостей. Она приехала ночью и появилась в этой гостинице ночью. Ваш гость шел с нею по пустому холлу. Они не могли пройти мимо тебя незамеченными.

Оксана отрицательно покрутила головой:

– Вполне могли пройти так, что я их не видела, как, впрочем, и выйти. Ночью мы не сидим на ресепшен безвылазно. Отдыхаем в этом номере. Там есть звонок. Если кто-то приезжает, он звонит. Мы выходим и оформляем, если есть свободные места.

– Предположим, что было так, – согласился Глеб. – Но как они вошли в холл? Ведь двери на ночь закрываются.

– У нас не принято закрывать на ночь двери гостиницы, – ответила она. – Создаем максимум удобства для гостей. К тому же у нас есть охрана на входе.

– Тогда охранник должен был ее видеть! – допытывался Глеб. – Или он тоже отдыхал вместе с тобой в этом номере?

Она посмотрела с упреком, как бы указывая на непозволительную вольность по отношению к ней с его стороны:

– Спроси у охранника, – посоветовала.

– А что ты скажешь на это? – Глеб полез в карман за снимком перстня. – Мой охранник нашел в тридцать втором номере. Откуда это могло появиться, если ты там никого не села? – протянул Бобровой.

Взяв снимок, та покрутила перед глазами. Ее лицо не изменилось. Без видимого любопытства поинтересовалась:

– Охранник нашел этот снимок?

– Нет, нашел перстень, который на нем! – и Глеб достал из кармана перстень.

Лучи солнца, бьющего из окна, ярко заиграли в бриллиантовой огранке.

Глаза Оксаны расширились, в них появилось изумление, похожее на оторопь, но эта оторопь длилась буквально несколько секунд, после чего глаза снова обрели свой прежний вид.

Перстень лежал на ладони Глеба, не собиравшегося давать

его собеседнице.

Поняв это, та отдернула протянутую было руку.

– В прошлый раз твой охранник не говорил, что что-то нашел, – напомнила ему.

– Да, – подтвердил он. – И я ничего не сказал. Потому что решил сначала выяснить, вдове ли принадлежит этот перстень? И выяснил. Да. Это ее перстень. – Корозов намеренно говорил то, о чем точно не знал, но утверждал с одной целью, чтобы загнать Воброву в угол, хотя видел, что сделать это будет непросто.

Держалась она стойко, умело отводила всяческие подозрения от себя. А в ответ на его утверждение неожиданно звонко воскликнула:

– Этого не может быть!

– Что не может быть? – спросил Глеб.

Точно спохватившись, что не сдержалась, Оксана тут же нашлась:

– Не может быть, чтобы он нашел этот перстень в тридцать втором номере. Мы никого туда не селили после Павлова, – минуту подумала. – Впрочем, это с ресепшен никого не направляли в тридцать второй номер, но дежурные на этаже могли давать какой-нибудь паре ключ на часок-другой для уединения. Такие желающие часто появляются. Но все это неофициально. Ни одна дежурная на этаже в этом не признается, потому что за подобное можно потерять работу. Как видишь, дежурному администратору не все бывает из-

вестно. – Воброва умело переводила стрелку на дежурных на этаже, но при этом вполне определенно давала понять, что получить признание от дежурных будет невозможно. Проверить можно было только официальные данные, а все остальное без свидетелей ровным счетом ничего не стоило.

Сжав ладонь в кулак, пряча в нем перстень, Глеб еще некоторое время подержал руку перед глазами девушки. И убрал украшение во внутренний карман пиджака.

Ее взгляд проводила его руку.

Он проглотил усмешку. Хитра, хитра, bestия, а на вид не подумаешь. Хитра, но не хитрее хитрых. Актерка. Он сделал главное сегодня, что должен был сделать. Показал перстень Вобровой, увидел ее первую реакцию. Таким манером, если перстень имел отношение к произошедшим событиям, Глеб сознательно вызывал огонь на себя. Спрятав его в карман, спросил:

– Кто был охранником в ту ночь?

– Комаров, – назвала фамилию девушка.

– С ним переговорить можно?

– А кто запрещает, Глеб? – Оксана улыбнулась. – Только сегодня я его не видела, возможно, он на выходном. – Пожала плечами.

– Но адрес-то его есть?

– Пошли. Провожу, – поднялась с дивана и шагнула к двери.

Провела в отдел, где за столами сидели две молодые жен-

щины, попросила найти домашний адрес Комарова. Одна из женщин достала карточку и тонким голосом пропела:

– А у нас тут нет адреса. Он же временно у нас. Приехал откуда-то. Кстати, прогуливает уже не первую смену.

Разочарованно вздохнув, Глеб узнал, с какого числа Комаров прогуливает? По ответу, увидел, на работу тот не вышел на следующий день после исчезновения Шеховой. Встретив недовольные глаза Глеба, Воброва развела руки:

– Все, чем могла, я помогла, Глеб, остальное от меня не зависит, пойду работать, – и медленно вышла из отдела.

Попытавшись получить о Комарове еще хотя бы какую-то информацию, он кроме общих фраз: высокий, черный, симпатичный, ничего больше не услышал.

Когда вышел в холл, Оксана уже была на своем рабочем месте и обслуживала гостей.

Из-за стойки напоследок нехотя улыбнулась Глебу и проводила взглядом до двери.

В машине Глеб несколько расслабился, приспустил узел галстука, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и пару раз глубоко вздохнул.

Изредка приглаживая редкие волосы, поглядывая в зеркало заднего вида, ловя в нем лицо Корозова, водитель ждал.

Набрав номер Акламина, Глеб рассказал о посещении гостиницы и сделал заключение:

– Я совсем не уверен, что удастся найти Комарова. Того

или вовсе уже нет в живых или отбыл в неизвестном направлении. Все покрыто туманом. Маскировка на высшем уровне, Аристарх. Воброва держит оборону насмерть по всем направлениям. Ее раскачать, пожалуй, только тебе по силам. Но пока нет зацепок, чтобы начать раскачивать. Я вызвал огонь на себя. Если сейчас они примутся за меня, тогда с Вобровой все ясно. Тогда ты можешь раскручивать на всю катушку. За убийство Павла они должны ответить по полной. И еще неизвестно, что произошло с его вдовой. Как бы не пришлось узнать о самом худшем.

Выслушав Глеба, Акламин негромко заговорил:

– Если Комаров исчез и мы его не найдем, значит, мы на верном пути. Заодно надо поискать таксиста, который ночью подвозил Шехову до гостиницы. На чем она еще могла ночью добраться до гостиницы? Только на такси. Скорее всего, она приехала на последнем автобусе. Из их города он прибывает на наш автовокзал около часа ночи. Значит, в гостинице она могла появиться приблизительно через полчаса, плюс-минус.

– Не обязательно на такси, мог частник какой-нибудь подвести, – вставил Глеб.

– Вряд ли, – усомнился Аристарх. – Чтобы среди ночи молодая женщина к кому попало в машину села? Такси надежнее. Но и твой вариант исключать не будем. Поищем. А ты с сегодняшнего дня обеспечь себе охрану. Не болтайся один по городу. Хватит уже приключений на твой век. Если

твое предположение сбудется, то перстень должен привести в действие какие-то пока неизвестные нам механизмы. И ты будешь в зоне риска. Это серьезно. Твоему брату даже охрана не помогла. Не забывай об этом.

Зашевелившись на сиденье, Глеб внезапно ощутил дискомфорт. Показалось, что затекли ноги, он вытянул их:

– Мне сдается, Воброва не поверила, что перстень принадлежит вдове. Будто ей известно, чей он на самом деле.

– Тогда еще более странно появление этого перстня в тридцать втором номере гостиницы. Будь предельно осторожным. Пока неизвестны причины событий. Но я все больше склоняюсь к тому, что связь между убийством твоего брата, появлением здесь его вдруг исчезнувшей вдовы и твоей персоной, определенно есть, – и он отключился.

Отложив телефон, Глеб поморщился, сказал водителю, чтобы трогал.

Машина медленно покатила по дороге.

Связавшись с оперативниками из города, где жила Шехова, Акламин попросил проверить ее квартиру, чтобы исключить предположение, что вдова может оказаться мертвой в своем жилище.

На проверку квартиры оперативники пригласили соседей и домработницу вдовы. С ними же был опер, командированный Аристархом в их город.

Ступив через порог, домработница ахнула от удивления.

Все в квартире было перевернуто вверх дном, будто Мамай прошел, причем абсолютно по всем комнатам. Распахнуты двери всех шкафов, выброшены на пол вещи. Раскрыты все ящики и также опустошены. Все валялось под ногами, все перетоптано и помято. Даже в кухне выпотрошен весь кухонный гарнитур. Перевернуты все баночки и скляночки. И только кучей в раковину свалены ложки, вилки, ножи.

Очевидным было, что искали долго и тщательно. Но нашли ли, что искали, неизвестно.

Одно было ясно, самой хозяйки дома не оказалось.

Пройдя вместе с домработницей по квартире, оперативник спросил, могла ли Шехова таким манером собираться в поездку? На что та отчаянно закрутила головой и стала нахваливать хозяйку:

– Что вы? Ни в коем случае! Она очень аккуратная женщина. Мне подчас даже делать бывало нечего. Все содержалось в идеальной чистоте, будто здесь и люди вовсе не жили. Я приходила только пыль стереть, да влажную уборку сделать. Мне нравилось работать здесь.

– А еще какая-нибудь прислуга в доме была?

– В доме нет, – ответила домработница, – а вот на даче у них одно время был человек. Сам Павел Петрович очень увлекался садоводством. У них огромный участок. И Павел Петрович собственными руками на всем участке посадил плодовые деревья и разные культурные растения. Вот и нанимал человека для хозяйственных работ: за садом ухаживать.

вать, дровишек для камина наколоть, да мало ли на даче работы.

– Вы его знали?

– Видела один раз. Такой обычной внешности. Средних лет. Слышала, что с ним у Павла Петровича какой-то конфликт случился. Даже не знаю, что произошло, но хозяин потом долго находился в мрачном настроении. Звали этого человека Судоркин Владимир Петрович. Почему Петрович, не знаю, но только так его Павел Петрович называл.

– А вы не могли бы точнее обрисовать его внешность?

– Куда уж точнее. Среднего роста. Золотой зуб сбоку. На левой руке, вот тут, на тыльной стороне ладони наколка: Вольдемар. Да я его всего один раз видела. Больше и не запомнила ничего.

– Однако наколку запомнили. И золотой зуб запомнили.

– Так он, когда представлялся мне, то протянул руку, и я увидела эту наколку. Да я бы и не запомнила, но он сам назвал себя Вольдемаром. Вот и запомнилось поэтому. А золотой зуб был хорошо виден, когда Судоркин улыбался.

По тому, как неторопливо скрупулезно была обшарена вся квартира Шеховой и даже вскрыт сейф в стене, стало ясно, что работал профессионал и что надежды на то, что остались где-то отпечатки его пальцев, были эфемерны. Правда, в разных местах несколько собрали, чтобы проверить по карте.

Оперативник Акламина после этого намеревался вернуться. Но Аристарх оставил его еще. Поручил навести справки о личности Судоркина. Рассказ домработницы заинтересовал. Конфликт между Вольдемаром и Шеховым мог иметь отношение к убийству Павла и пропаже вдовы.

К этому времени Комарова найти не удалось, зато разыскали таксиста, который подвозил вдову. Тот сообщил, что запомнил ее потому, что она постоянно спрашивала: «За нами никто не едет? Посмотрите, никого сзади не видно?» Вела себя так, будто за нею гнались. И еще говорила, что уже забронировала номер в гостинице. Даже назвала номер, но он забыл. Видел, как она вошла внутрь. Потом уехал.

Из этого можно было сделать вывод, что, если номер был забронирован, стало быть, вдова никак не могла миновать дежурного администратора. Следовательно, Воброва обманывала Корозова и его подозрения были оправданы.

По повесткам Акламин вызвал к себе Боброву и дежурную по этажу.

Оксана вошла в кабинет тихо, плотно затворила за собой двери, тихо села на предложенный стул напротив Аристарха. Легкими щипками пальцев неторопливо расправила на груди свою пеструю широкую кофту, ладонями разгладила мешковатую юбку. Бела себя спокойно, флегматично, как бы отстранившись от всего сущего, выпятила накачанные силиконом губы, плотно сжимая их. По ней видно было, что внутренне она подготовила себя к любым его вопросам.

Он начал издали и подробно, чтобы не оставить для нее лазеек для ухода от прямых ответов и не выслушивать то, что она втолковывала Корозову:

– Дело об убийстве в гостинице хорошо продвигалось, пока не возникли неожиданные сложности. Я вызвал на беседу вдову убитого, согласовал с нею число, она накануне сообщила мне, что выезжает и в назначенное время должна быть у меня. Но в установленное время она не появилась. Я стал выяснять, почему ее нет. На мои телефонные звонки Шехова не отвечала. А потом мне позвонил Корозов и сообщил, что она приехала и остановилась в вашей гостинице, в тридцать втором номере. Она ему звонила из этого номера за полтора часа до того, как должна была появиться у меня. Хотела перед этим встретиться с ним. У нас есть распечатка этих звонков. Он приехал к ней, но Шеховой в гостинице не оказалось, вы ему сказали, что не видели ее, что она в вашей гостинице не останавливалась. Я направил оперативника по месту ее жительства, но дома ее также не оказалось. В связи с этим у меня возникли к вам некоторые вопросы.

Чуть опустив голову, Боброва сидела и слушала Акламина, но одновременно была где-то далеко отсюда.

Когда он прервался на короткое время, подняла голову, словно отвлеклась от своих мыслей, и посмотрела на Аристарха безучастным взглядом, который говорил: «Спрашивайте, если нужно».

– Как это возможно в вашей гостинице, Оксана Юльев-

на, – продолжил Аристарх, – чтобы человек поселился на ночь в номере, минуя дежурного администратора?

– Почему вы уверены, что это было в нашей гостинице? – неопределенно отозвалась Оксана.

– Потому что мы нашли таксиста, который привозил ее той ночью именно в вашу гостиницу. И он видел, как она вошла в нее, – пояснил Акламин, наблюдая за ее глазами.

– Но, может быть, она вышла потом? – глаза Бобровой не изменились. – Бидите ли, дело в том, что ночью обычно редко приезжают гости и мы, дежурные администраторы, не сидим постоянно за стойкой. У нас имеется служебный номер, где мы отдыхаем. Охрана знает, что, при необходимости должна сообщить нам, иначе говоря, разбудить. Бот и все. – Она говорила неторопливо, вяло, словно ее только что оторвали ото сна и она, недовольная этим, разжевывала ему порядок своей работы. А по сути, повторяла то, что вдалбливала в гостинице Корозову, и что Акламин уже слышал от Глеба. – В ночь, о которой хотите знать вы, – говорила она дальше, – никто мне не сообщал о том, что прибыл новый гость. Об этом вам может лучше меня рассказать охранник, который дежурил ночью. Его фамилия Комаров. Если Шехова входила в гостиницу, он обязательно должен был видеть ее. Бедь она могла, как войти, так и выйти из гостиницы. – Боброва второй раз сделала ударение на этом, определенно склоняя Аристарха к такой версии.

– И что, по вашему мнению, могло Шехову заставить вый-

ти из гостиницы? Среди ночи, в чужом незнакомом городе, отпустив такси. Не кажется ли это странным?

– Да просто передумала, – со скучающим видом ответила она. – У женщин зачастую все бывает спонтанно.

– Бряд ли, – отверг Акламин. – Передумать Шехова не могла, она сказала таксисту, что у нее забронирован номер в вашей гостинице и даже назвала его.

– Я не видела эту бронь, если бы таковая была, я бы знала о ней, – пожала плечами Боброва.

– В каком временном промежутке можно заказать бронь в вашей гостинице? – поинтересовался Акламин. – И кто занимается бронированием мест?

– Все зависит от того, имеются ли места в гостинице. Если места есть, то от нескольких часов до недели. Вот, например, в настоящий момент места есть, следовательно, бронь может быть принята на более дальний срок. Бронирование производится через дежурных администраторов. Но на Шехову мне по смене бронь не передавали. И еще скажу, сесть гостя в гостинице, минуя администратора, запрещено. Правда, иногда случается, что дежурные на этаже нарушают, пускают на ночь без оформления, но утром обязательно все оформляется официально.

Усмешка скользнула по лицу Акламина, да, несмотря на внешнюю флегматичность Вобровой, было видно, что она тертый калач. Как говорил Глеб, оборону держала стойко. Ссылалась на охранника, точно прекрасно знала, что его не

найдут. Ясно, что требовались более весомые аргументы для разговора с нею.

После нее в кабинет бочком вошла дежурная на этаже. Прошла к столу, наклонив голову вперед, словно смотрела под ноги, опасаясь на что-либо наткнуться. Однако особой робости в движениях не наблюдалось.

– Присядьте, Галина Ивановна, – пригласил Аристарх, показывая на стул, на котором только что сидела Оксана. – У меня к вам несколько вопросов, – сказал после того, как та взялась за спинку стула и чуть передвинула его. – Первый. Давно ли вы работаете дежурной на этаже и хорошо ли знаете правила, по которым живет гостиница?

– Присяду, почему бы не присесть, – беспокойно проговорила женщина и села на краешек стула. Потом однозначно немногословно ответила: – Работаю давно, правила знаю, – и замолчала.

– Тогда ответьте еще, – попросил Акламин, – каким образом в тридцать второй номер, куда с момента убийства в нем администраторы никого не селили, ночью была поселена Шехова Любовь Станиславовна?

– Ничего подобного не было! – ответила дежурная. – Нам самим страшно туда заходить после убийства, а тем более кого-то селить. Мы как обновили там все, закрыли и больше не заходили.

– В таком случае, объясните, как на кровати под матрасом мог оказаться перстень? – Аристарх достал из стола фото и

положил перед нею. – Нашли в вашу смену, – он надеялся ошеломить дежурную, но этого, к сожалению, не произошло.

Та долго рассматривала снимок, затем ответила:

– В мою смену он не мог появиться, а в другие смены – я не знаю.

– Но если в этот номер никого не селили, то каким образом перстень под матрасом мог появиться в другие смены?

– Не знаю, – снова однозначно ответила она.

Было очевидно, что остальные дежурные по этажу будут отвечать примерно так же. Нужны были другие свидетели, чтобы доказать, что вдова была в номере именно в эту смену.

Сегодня Аристарх и не рассчитывал на другие ответы. У него была иная цель. Он хотел растревожить осиное гнездо, если таковое в гостинице имеется. Заставить забеспокоиться, проявить себя. И тогда появится больше определенности, и могут появиться другие результаты.

Придется подождать. Иногда выждать более полезно, нежели метаться по сторонам.

3

После вызова в полицию Воброва сразу поехала домой. Если бы за нею была установлена слежка, то обнаружила бы, как та сначала покружила по городу, проверяя, нет ли «хвоста» сзади.

Припарковалась у девятиэтажного дома, вошла в подъезд, поднялась на этаж. На площадке остановилась у квартиры, щелкнула замком.

В прихожей включила свет, сняла туфли и прошагала в ванную комнату. С мылом умыла лицо и руки, и только после этого громким голосом позвала:

– Ты где? Что так тихо? Я приехала из полиции!

– Чего орешь? Я не глухой, – раздалось рядом с нею.

Она повернула лицо к открытой двери:

– Ты здесь? А я не вижу. Умываюсь после полиции. Как будто на кладбище побывала!

В дверях стоял мужчина среднего роста. Внешностью не ошарашивал. Таких в городе можно встретить на каждом углу. Пройдет мимо, ты и не заметишь, как он выглядит, какой у него нос, подбородок, губы, щеки. Даже если столкнешься лбом о лоб, не вспомнишь потом, с каким лицом столкнулся.

Сейчас он был в синей майке и черных трусах. Торс не спортивный, но и не киселем накачанный. Что-то среднее. Вроде и мускулы на теле есть, но вряд ли они выдержат вес

приличной гири и вряд ли смогут на турнике подтянуть тело раз десять подряд. Заметной была лишь густая шапка темных волос на голове. И глаза – настороженные и недобрые.

Держась руками за наличники, он смотрел на Воброву вопросительно, вслух вопросов не задавал, но ждал ответов.

Вытерев полотенцем лицо и руки, она сделала шаг к нему:
– Вцепился опер, как клещ, – сказала брезгливо морщась. – Тот самый, что допрашивал в гостинице, когда труп обнаружили. А теперь интересовался Шеховой. Но я держалась, как ты научил, Вольдемар, говорила, спала ночью, никто меня не тревожил, не видела, в моей смене ее не было. После меня пошла Врюсова, но не знаю, о чем он ее спрашивал. Я не стала дожидаться, чтобы не вызвать подозрение.

Показав золотой зуб, Судоркин улыбнулся, одобрил:

– Все правильно. Пусть ментура кости гложет!

– Как думаешь, Врюсова лишнего не брякнет? – расслабленно потянулась Оксана.

– Из Галины лишнего слова не вытянешь! Про перстень мент не упоминал? – Вольдемар оторвал от наличников ладони и пошел в комнату, уселся на диван и рукой показал Бобровой, чтобы та села рядом.

– Не спрашивал, – ответила Оксана, следуя за ним и садясь возле.

– Странно, – усмехнулся Судоркин. – Темнит что-то начальник. Не может быть, чтобы Корозов не сбегал к нему с этим перстнем.

Посмотрев усталым взглядом, Оксана ничего не сказала. Вольдемар хлопнул по коленям:

– Предположим, что Корозов не хочет делиться с ментами перстнем. Это хорошо. Значит, перстень все еще у него. Хотя не будем обольщаться. Сначала узнаем у Галины, какой лапшой он ее кормил! – повернулся к Оксане и огоршился. – Пришить бы вас обеих следовало, поганок. Прошляпили перстенек, подарили Корозову.

– Вольдемар, я-то здесь причем? – испуганно стала оправдываться Оксана. – Я сделала все, как ты говорил!

– Если бы не сделала, давно бы дух испустила! – отсек Судоркин глухим голосом.

– Страшный ты человек, Вольдемар! – скукожилась и отодвинулась Оксана.

– Не страшнее смерти! – он сжал в кулак левую руку с наколкой «Вольдемар» на тыльной стороне ладони.

Вечером они рано легли в постель.

Оглаживая рукой голое тело Вобровой, лежавшей сбоку, он шумно дышал. Она протяжно спросила:

– Что теперь-то, Вольдемар? Ведь полиция от меня не отстанет.

– Отстанет, – глухо сказал он. – Улик у них нет.

– А если Комарова найдут? – выдохнула она.

– Дура! Какого Комарова? Он уже давно гуляет в своем родном Киеве, если еще жив, в чем я совсем не уверен. Забудь, – Судоркин обхватил ее и притянул к себе.

Она подалась без сопротивления, беспрекословно подлаживаясь под него.

Потом, измученная, расслаблено лежала и слышала, как рядом тот глубоко дышал. Отдышавшись, он приподнялся с подушки и посмотрел в сторону окна. На улице наступила темнота.

Взял с прикроватной тумбочки часы, глянул на время, еще несколько минут спокойно полежал, пока окончательно не пришел в себя, затем опустил с кровати ноги и сел.

Осоловелым голосом она пробормотала:

– Ты куда?

– Не твое дело. Меньше будешь знать, дольше проживешь.

Отвернувшись лицом к стене, она свернулась калачиком, и заснула.

Быстро натянув на себя рубаху, брюки, он застегнул ремень, в ванной комнате чесанул расческой волосы и выскользнул за дверь.

Спустившись по ступеням темного подъезда вниз, вышел на улицу.

Теплый, остывающий от дневной жары, ветерок, обдал Судоркина. От дороги доносился глухой шум машин. В темном дворе было безлюдно. Вольдемар свернул за угол дома и вышел к дороге.

Светильники на столбах вдоль дороги рассеивали холодный свет. Машин немного. Фары своим светом били по гла-

зам.

Он поднял руку. Пришлось потоптаться, прежде чем тор- мознули «Жигули». Высунулся водитель с длинным лицом, с пробором на голове, с полоской чубчика, секущей выпук- лый лоб надвое. Улыбка до ушей, тридцать два зуба на виду, легкая щетина по всему лицу. Уши торчком. Цветная рубаха нараспашку, ни одной застегнутой пуговицы до самого пуп- ка. Манжеты на длинных рукавах также не застегнуты на за- пястьях, болтаются на руке. Мотнул головой и залихватски спросил:

– В какую степь гонишь, приятель? Могу подвести к па- радному и даже к заднему крыльцу?

– Прямо, командир, – принял его тон Вольдемар. – А по- том к черному ходу.

Водитель довольно хмыкнул. Вольдемар сел в салон, гля- нул в глаза водителю:

– Как идет промысел, хватает на житье?

– Какой к черту промысел, приятель? – снова хмыкнул тот. – С такого промысла ноги протянешь! На курево, да на чай для чифиря хватает! Вот банк взять, это промысел!

– А мандраж не возьмет? – подзадорил Судоркин.

– Меня? – изумился водитель. – С чего бы? Ты что, кореш, я уже прошел все огни и воды. Думаешь, я и правда изво- зом занимаюсь? Это так, для душевного спокойствия люблю порулить. С этого мой трудовой путь начинался. А теперь. Помнишь, как в песне поется? Свобода, брат, свобода, брат,

свобода!

– А жестянка-то у тебя новая. – Вольдемар хлопнул рукой по панели.

– Не моя, братан, – громко хохотнул водитель. – Одолжил в ближайшем дворе на ночь. Покататься.

Только тут Судоркин обратил внимание, что ключа в замке зажигания не было:

– Бобров щекочешь?

– Да ты что, кореш? – блеснул зубами водитель. – Бобры на таком металлоломе не ездят.

– И долго так промышлять собираешься?

– Пока не подфартит!

– А пушку в руках приходилось держать?

– Так она и сейчас при мне, – водитель сунул руку в карман и достал ствол. – Вот я подумал, что ты много вопросов задаешь, не пора ли тебе раскошелиться? – и он навел ствол на Судоркина. – Давай, братан, выкладывай все, что есть у тебя в закромах, без церемоний, потому что у меня время – деньги. Летом ночь короткая, а жить, сам понимаешь, хорошо хочется. Не юли и не жмотничай, все равно вытряхну.

– Давишь на понт?

– На кошелек, братан, на кошелек!

– Какой ты мне братан?! Шушера поганая!

– А ты легче на поворотах, а то рассержусь! Эта игрушка стреляет.

Неожиданно умелым и сильным приемом Вольдемар вы-

бил у него пистолет, а руку вывернул за спинку сиденья. Пальцами другой руки вцепился в горло.

Водитель захрипел, резко нажал на тормоз. Машина пошла юзом и выскочила за бордюры.

Судоркин еще сильнее пережал глотку, отчего у водителя полезли глаза на лоб. Он свободной рукой пытался оторвать пальцы Вольдемара от горла, но это не получалось. Усилия становились все слабее. Тело стало биться в конвульсиях. И тогда Судоркин отпустил его.

Со свистом вдохнув в себя воздух, водитель закашлялся. Наконец, медленно пришел в себя.

– Заводи мотор! – монотонным голосом приказал Вольдемар.

– Надо было сразу сказать, кореш. Чуть не придушил. – Водитель полез руками к проводам.

– Стоило удавить, да подумал, что ты мне годишься! – отсек Вольдемар.

– На любое дело, братан! Меня кличут Коромыслом, – и пояснил. – Это потому, что руки длинные. Видишь, какие они у меня! – потом, потирая ладонью горло, он подвез Судоркина к дому, на который тот указал.

Выходя, Вольдемар распорядился:

– Завтра в обед у кафе «Ладога». Пойдем на дело.

– Заметано! – отозвался Коромысло.

Выйдя из авто, Вольдемар скрылся в подъезде.

На лестничной площадке было темно, хоть глаз коли, но его это устраивало. Ни в один глазок из ближних квартир разглядеть в такой темноте ничего нельзя. Он подошел к двери, позвонил условным количеством звонков. Ждал недолго. Из-за двери раздался негромкий сонный голос с вопросом. Но Судоркин не ответил, опять поднес палец к кнопке звонка и еще раз условно прозвонил. Дверь открылась. В квартире, как и на площадке, не было света.

Скользнув внутрь, он закрыл за собой дверь. Нашел на стене выключатель. В коридоре вспыхнул свет, осветив беспорядочно разбросанную на полу обувь и девушку с голой грудью, в красных трусиках, поднятую Вольдемаром из постели.

Это была Галина Врюсова. Она сморщилась от света и проговорила:

– Я знала, что ты появишься, – отступила. – Раздевайся, пошли ложиться, – двинулась вглубь темной комнаты, куда пробилась полоса света из коридора, осветив часть кровати и прикроватную тумбочку.

– Лягу, но сначала про ментуру рассказывай! – остановил ее Судоркин. – Какие вопросы были?

Остановившись, Галина повернулась к нему, пол-лица у нее были в полосе света, пол-лица в темноте:

– Пытал про перстень. Показал его фото.

Настроение у Судоркина испортилось, в душе что-то неприятно завозилось, он нахмурился и стал медленно рас-

стегивать рубашку:

– Значит, пронюхал, мент рваный. Что ты ответила?

– Сказала, не знаю, что в мою смену в номере никого не было, – просипела она.

Приблизившись к ней, он взял пальцами сосок и сильно ущипнул. Она чуть не вскрикнула от боли, но промолчала. Он угрожающе проговорил:

– Ты, Галька, виновата во всем! Как могла просмотреть?

Оправдываясь, та торопливо проговорила:

– Она же спала на диване в первой комнате. Никого на кровати не было. Откуда я могла знать, что она сунет что-то под матрас во второй комнате? Даже в голову не пришло.

– Тебе, дура, не пришло, – сказал Судоркин, – а охраннику Корозова пришло! А должно было тебе первой прийти в голову! Почему ты такая тупая? Пришью я тебя, как сучку, если еще подставишься! – он продолжал пальцами сжимать ее сосок.

– Не будет этого больше, Вольдемар! – взмолилась она, от боли привставая на цыпочки, глаза беспокойно бегали. Ей хотелось заорать во все горло, но она терпела.

– Смотри, Галька, я не пожалею! – жестко пригрозил он.

– Мне больно, Вольдемар! – наконец, тихонько взвизгнула она.

– Разве это больно? – усмехнулся он. – Ты не знаешь, что такое больно! Вот мне ты больно сделала. Ты прибавила мне проблем, а могла бы уменьшить их, если бы умнее была! –

он опять сильно сдавил сосок, и она, не выдержав, громко заскулила, он отпустил его и начал снимать с себя рубаху.

Отодвинувшись, морщась от проходящей боли, она стала рукою поглаживать грудь.

Скинув одежду, Судоркин лег в постель и повернул лицо к девушке:

– Долго ты там будешь возиться со своей грудью? Иди, я полечу тебя.

– Больно же, Вольдемар, – обиженно всхлипнула она. – У тебя волчья силища. – Выключила свет в коридоре и в темноте прошлепала по полу босыми ногами к кровати. Легла рядом с ним.

– Ты мне все карты спутала, Галья, – громко сказал он. – Этот перстень должен быть у меня, а не у Корозова. Новых проблем с ним мне не нужно. Я еще со старыми не разобрался. Целую неделю пасу его у дома, чтобы взять за глотку по делам Шехова. С вдовой должно было пролететь, как по маслу, в одно дыхание, а из-за тебя все перевернулось. Теперь мне с Корозовым разбираться еще и по этому перстню вместо того, чтобы подвести итог с Шеховой. Вдобавок ты мне ментов на прицепе притащила!

– А что с нею собираешься делать? – тихонько спросила Врюсова.

– Когда все из нее вытащу – прикончу! – он всем телом навалился на Галину, и она с хрипотцой замурлыкала.

В середине следующего дня Судоркин и Коромысло про-

никли в подъезд, где была расположена квартира Корозова, и затаились выше на межэтажной площадке в ожидании. Примерный распорядок дня Глеба и его жены Ольги Вольдемар уже знал. За неделю выяснил, когда они уезжали на работу и приезжали домой.

Днем подъезд затихал, дом как будто вымирал. Потому осуществление своего плана он наметил именно на дневные часы. Был уверен, что все у него получится.

Ждать в подъезде пришлось не очень долго.

Ольга работала в музыкальной школе преподавателем музыки по классу фортепиано. Занятия с учениками у нее закончились.

Отпустив последнего ученика, закрыла крышкой клавиши пианино, собрала ноты, стопкой сложила на столе. Шагнула к зеркалу, посмотрела на свое отражение, слегка поправила прическу и платье-костюм. Еще раз окинула себя взглядом и, удовлетворенная своим внешним видом, стройной фигурой и ладно сидящей одеждой, улыбнулась сама себе, достала из сумочки ключи, заперла класс и отправилась домой.

Доехала быстро, потому что ехать было недалеко.

Припарковав машину ближе к подъезду, взяла в руки дамскую сумочку и направилась к двери.

Сидя на корточках под окном, Судоркин и Коромысло оживились, услышав шум лифта. Выглянули, когда Ольга вышла из него. Вольдемар расстегнул пиджак, вытащил из-

за спины пистолет и взглянул на Коромысло. Тот сделал то же самое.

Достав из сумочки ключ, Ольга вставила в замок. Обернулась, услышав шум. Но ничего не заметила. Щелкнула замком и неторопливо открыла дверь. Сняла сумочку с плеча, и в этот момент из нее раздался звонок телефона. Задержалась в дверях. Полезла в сумочку.

Затем разнесся ее голос:

– Я уже дома, уже вхожу. Хорошо, буду ждать, – а потом тут же сама набрала другой номер и проговорила. – Снимите с сигнализации. Да, я дома. Ольга.

В ту секунду, когда отключила телефон и вернула его в сумочку, Вольдемар сорвался с места.

Отреагировать она не успела. Он втолкнул ее в квартиру. А Коромысло выдернул ключ из замка и захлопнул дверь.

В голове у Ольги щелкнуло, что, наверняка, происходит то, что предполагал Глеб. Причина нападения – находка в номере. Значит, история с перстнем продолжается.

Она не стала сопротивляться, зная, что в этом случае может получить ответную агрессию. Только мягко спросила:

– Что вы хотите?

Не отвечая, Судоркин спрятал пистолет и подтолкнул ее в спину. Она подчинилась, через прихожую прошла в комнату. Он вырвал у нее из рук сумочку и передал Коромыслу.

Тот затолкнул ствол за пояс и вывалил все содержимое сумочки на стол, в первую очередь раскрыл кошелек с день-

гами. Пересчитал и довольно ухмыльнулся.

– Вам нужны деньги? – вновь спросила Ольга. – Возьмите все, сколько есть в доме.

– А все, это сколько? – уставился на нее Коромысло, ожидающей улыбкой обнажая зубы, торчащие уши шевельнулись.

– Вам надолго хватит, – сказала она.

– Денег никогда надолго не хватает, – заметил Коромысло и потребовал. – Выкладывай!

Выдвинув ящик прилавка, она выложила на журнальный стол все деньги. Коромысло схватил, зашуршал ими, показывая Судоркину, глаза его загорелись:

– Это уже что-то, – но тут же поправил себя. – На вечерок в картишки перекинуться хватит, – мотнул головой и плюхнулся на стул. Пробор на голове косил от виска к затылку. Лицо продолжало лыбиться.

На всю эту возню между Ольгой и Коромыслом Вольдемар смотрел молча и равнодушно. Он пришел сюда не за этим, но Коромыслу пообещал, что они сорвут хороший куш и, кажется, Коромысло уже доволен тем, что зашуршало у него в руках. Осмотрев комнату, Судоркин протопал по всей квартире. Убедился, что в ней больше никого нет. Его ничто не интересовало. Он не заглянул ни в один шкаф, не выдвинул ни одного ящика, не спрашивал ни о чем. Вернувшись в комнату, прикрикнул на Ольгу:

– Не мельтеши! Сядь!

Сев в кресло, она проговорила:

– Деньги я вам отдала. Все. Больше нет. Скажите, что вам еще здесь нужно?

– Чтобы ты заткнулась! – отрезал Судоркин, плюхаясь на диван, посмотрел на напольные часы. – Мужик твой нужен!

– Но он может прийти поздно, – сказала она.

– Подождем. У нас время есть, – произнес Вольдемар.

И потянулось время ожидания.

Несколько раз Ольга пыталась завязать разговор, надеясь отвлечь бандитов, предлагала кофе и чай, даже поднималась из кресла, чтобы пойти в кухню, намереваясь продвинуться к входной двери, чтобы выскользнуть из квартиры, но Судоркин пресекал все ее попытки. Прочитав наколку у него на руке, справилась:

– Это твое имя?

Посмотрев на наколку, он ничего не ответил.

До приезда Глеба оставалось все меньше времени, Ольгу тревожило это, ибо она не могла придумать, как предупредить мужа о бандитах. Они ее не трогали. Она явно была им нужна только для того, чтобы войти в квартиру. Заерзала в кресле:

– Можно сходить в туалет? – произнесла, сиюсь найти выход из положения.

– А ты давай прямо тут, – посоветовал Судоркин, а Коромысло на это гоготнул.

– Но мне надо! – настойчиво попросила Ольга и упрямо

привстала из кресла.

– Смотри, жвачка, – глянул недоверчиво Вольдемар, – выкинешь фортель, пришью! – и кивнул Коромыслу. – Проводи!

– Сделаем, братан, у нас не заржавеет, – весело поднялся со стула подельник.

Пройдя через прихожую в туалет, Ольга хотела прикрыть за собой дверь. Но Коромысло ногой удержал ее. Она возмутилась. Но он хмыкнул:

– Садись на толчок и не бузи, а то кореш поступит с тобой, как обещал.

Тогда Ольга демонстративно задрала подол юбки, опустила трусики так, чтобы ему было все хорошо видно, и села на унитаз.

Он урчал и смотрел не отрываясь. В его глазах появился мужской интерес.

Она хотела, чтобы он на какое-то время забыл, зачем находится возле нее. Поднялась с толчка, опять демонстративно высоко задрала подол юбки, у него на глазах подмылась, промокнула туалетной бумагой, медленно натянула трусики и шагнула в дверь.

Когда выходила, его рука погладила ее попку, но Ольга не отстранилась. Прошла в ванную комнату, помыла руки, и в зеркало увидела, как Коромысло приближается к ней. Его длинные руки потянулись и погладили ее бедра.

– Твой кореш услышит, – шепнула она.

– Ну и пускай, он что, не мужик, что ли? – осклабился Коромысло и полез к ней под юбку.

Она позволила, чтобы он задрал ее. Ощутила дрожь в его длинном теле.

Он напрягся и начал спешить.

Она повернулась к нему лицом и расстегнула ширинку его брюк.

Коромысло выдернул из-за пояса мешавший ему ствол и сунул на полку.

Ольга забралась ему в трусы, ухватила кошонку и со всей силы сжала в кулаке. Коромысло взвыл, у него искры посыпались из глаз. Отпустил ее, задыхаясь от боли, скорчился и заголосил, заскулил, замычал.

Схватив с полки пистолет, Ольга кинулась из ванной через прихожую к входной двери.

– Братан, держи жвачку! – завопил вслед Коромысло.

Она не успела к двери, сзади за волосы ее рванул к себе Судоркин.

Повернувшись, она ткнула ему в живот ствол:

– Отойди, а то выстрелю!

– А что с трупом будешь делать? – сверкнул золотым зубом тот.

– В морг отправлю, – ответила Ольга, крепче сдавливая в ладони рукоятку пистолета. – Отойди! – ее глаза сузились, она была напряжена настолько, что палец мог сам нажать на спусковой крючок, и только сознание удерживало его.

Медленно отступив назад, Вольдемар видел, что выстрел может прозвучать в любой момент.

Второй рукой Ольга повернула защелку замка, а рукой с пистолетом взялась за ручку. И в этот миг Судоркин стремительно нанес ей удар по шее. Следующим ударом выбил пистолет, вцепился в горло, сдавил так, что перед глазами у нее поплыли круги.

– Захотела меня обмануть, коза?! Не на того нарвалась! – отпустил ее горло и сильно ударил по лицу. – Знаю вашу сучью породу!

Она обмякла, падая на пол. Но Судоркин поднял ее и швырнул из прихожей в комнату. Лицо Ольги уткнулось в ковер. Он шагнул следом, наступил ей на спину между лопатками:

– Доигралась, дура! Я предупреждал! – опять поднял ее с пола и ударом отбросил к стене.

В глазах у нее стало темно, на губах почувствовала соленый вкус крови. Но отдышавшись, стала подниматься на ноги:

– Не тронь меня! – произнесла с ненавистью и внутренней угрозой.

– Ты это мне, коза? – глухим утробным голосом произнес Вольдемар.

– Не прикасайся! – поднялась она, смотря на него без страха.

– Ты это мне, коза?

– Убирайся вон, пока цел!

– Ты это мне, коза?!

– Вон отсюда, подонок!

– Ты это мне, коза?!

Смотря на Судоркина, Ольга улавливала все его движения. И даже не просто улавливала, но, предугадывала их, ибо все ее чувства были обострены до крайней степени. И когда тот, подхваченный порывом бешенства, кинулся к ней опять, она на сей раз, опережая, бросилась на него, вцепилась руками в лицо, чувствуя, как ногти проникают ему под кожу.

Урча и ругаясь, Вольдемар отмел ее от себя, ощущая, как ее ногти раздирали кожу на его щеках. Коснулся лица, на ладони – кровь, выкатил глаза, как обезумевший бык. И нанес Ольге удар в живот, а вдогонку падающему телу, добавил еще.

Из прихожей в дверях показался Коромысло. Сейчас он готов был сам разорвать женщину на куски.

Его встретили мутные глаза Судоркина.

Испытывая вину, Коромысло поежился. Хотел что-то сказать в свое оправдание, но Вольдемар неожиданно шагнул к нему и ударил кулаком в подбородок.

Клацнув зубами, подельник растянулся на полу прихожей.

– Никогда не отвлекайся на другие дела! – нагнулся над ним Судоркин. – Этих жвачек вдоль любой дороги полно ошивается, подбирай сколько хочешь! Но в деле про них забудь! Вставай! Свяжи ее!

Торопливо вскочив, Коромысло забыл о ноющей боли.

Прошло некоторое время.

Придя в себя, Ольга увидела, что сидит в том же кресле с заклеенным ртом, связанная по рукам и ногам скотчем. Тело саднило от побоев, но состояние беспомощности угнетало гораздо сильнее.

Также на прежних местах располагались Судоркин и Коромысло, тупо молчали. Вольдемар прикладывал к щекам красный от крови носовой платок. Коромысло, насупившись, зло стрелял глазами по ней.

Наступил вечер. В общем-то, еще не было темноты, но и света уже было недостаточно. В окнах зажигались огни. Солнце поубавило жару. Во дворе появились люди. Вдоль подъездов дорога стала заполняться припаркованными машинами.

Наблюдая из окна, Вольдемар увидел, как подъехало авто Корозова. Приготовил пистолет. Коромысло тоже засуетился, засучил длинные рукава рубахи. Оба встали у стены по сторонам двери.

Ольге стало ясно, что скоро войдет Глеб. Она напряглась. Прошло несколько минут, прежде чем его ключ прошуршал в замке, и входная дверь открылась.

Удовлетворенно улыбнулся Судоркин. Удачно все складывалось.

Войдя в квартиру, Глеб включил в прихожей свет и громко позвал:

– Оленька, ты дома? Что-то свет не включаешь! Отдыхаешь, что ли? – прошел через прихожую в комнату. И остановился в дверях изумленно. Он ждал продолжения событий, связанных с вдовой, но не думал, что они произойдут в его квартире. Увидал в полумраке двух бандитов, связанную жену, и вспыхнул, голос зазвучал негодующе. – Развяжите ее немедленно!

– Поумерь свой гонор! – отрезал Судоркин. – Здесь я парадом командую!

– Носом ты еще не вышел, чтобы командовать в моей квартире! – напряжился Глеб. Он был выше Вольдемара и смотрел на него сверху уничтожающе, как на мелюзгу. – Здесь ты будешь слушать, что я тебе говорю! – пошел в наступление. – Убери свою пугалку!

– А ты, кажется, не удивлен встрече? Ждал, значит? Тем лучше! – глухо сказал Судоркин.

– Кто ты такой, чтобы я тебя ждал?! – раздраженно бросил Глеб. – Мелкий шkodливый кот. С женщинами воевать много смелости не надо! Забрался в чужой монастырь и думаешь игуменом сразу стал? Развяжи ее!

– Не гоношись! – ответил Судоркин. – Так ты будешь сговорчивее!

Решительно Корозов шагнул к жене, но дорогу ему мгновенно преградил Коромысло, направив прямо в грудь пистолет. Глеб язвительно спросил у Судоркина:

– А этого долговязого шакала с собой таскаешь, чтобы до-

едал твои объедки?

От возмущения Коромысло задохнулся, по лицу ото лба к подбородку пошла краснота, уши стали бордовыми, шевельнулись, как у собаки. Он резко вдавил ствол в грудь Глебу, оставляя на пиджаке грязный след.

– Кореш, дай я с ним разберусь! – попросил Вольдемара.

– Не суетись! – проговорил тот.

– Зачем пожаловал? – справился Глеб, меняя тактику.

– Уже лучше, – удовлетворенно отозвался Вольдемар. –

С этого надо было начинать. Никогда не диктуй мне своих условий! Я привык, чтобы принимали мои!

– У тебя дурные привычки! – произнес Корозов.

– Какие есть! – сказал Судоркин. – Но они мои. А условие следующее. Слушай внимательно! – уставился на Глеба, но смотрел не в глаза, а ниже, куда-то на кончик носа. – У тебя мой перстень с алмазом, я пришел за ним! Я случайно оставил его в гостинице, под матрасом.

– А мне сказали, что в номере никто не проживал. Выходит, перстень ничей, – парировал Глеб, не двигаясь с места.

– Я сказал, оставил, а не проживал! – повысил голос Вольдемар.

– И где это видно, что перстень твой? – повел игру Глеб.

– Вот мое доказательство! – Судоркин показал на ствол пистолета в руке, – и вот еще, – кивнул на пистолет Коромысла. – Разве это тебя не убеждает? Вижу, что убеждает. Кроме того, ты должен мне сказать, где находятся остальные

части гарнитура? Я знаю, что Шехов доверил тебе эту тайну.

Удивившись услышанному, Глеб отозвался:

– Может быть, он хотел доверить мне какую-то тайну, но ты убил его прежде, чем он встретился со мною. Так же, как ты убил Шехову из-за этого перстня прежде, чем она переговорила со мной.

– Не вешай на меня всех собак! – недовольно глухо про бурчал Вольдемар. – Ты ничего не знаешь! – проговорил, глядя на его подбородок. – Я не убивал Шехова. И его бабу тоже не убивал. Итак, я жду перстень! – потребовал категорично.

– Тебе известно, сколько он стоит? Такие перстни дома не хранятся, – ответил Глеб.

– Ты хочешь, чтобы я поверил тебе? – Судоркин приблизился к Корозову сбоку, поднял пистолет и приставил к его виску. – Я искать не буду, ты сам принесешь его мне! Я заберу с собой твою бабу! Произведем рокировку! Я думаю, ты оцениваешь ее не ниже стоимости перстня? Если она не стоит этого, я ее просто шлепну! – он ладонью пригладил густую шапку темных волос на голове.

Прочитав на тыльной стороне ладони наколку «Вольдемар», Глеб своей рукой отвел от виска его пистолет. Но сказать ничего не успел. Вольдемар резко взмахнул рукой, сильно и умело ударил тыльной стороной ладони по его горлу, а затем рукояткой пистолета – по голове.

Пошатнувшись, Глеб получил новый удар. Стал падать

на Коромысло. Тот торопливо отступил, отпихивая от себя. Глеб упал.

Показав на Ольгу, Судоркин бросил:

– Берем с собой и уходим! На сегодня все!

Прежде чем выполнить команду подельника, Коромысло пошарил по карманам пиджака Глеба, вытащил кошелек, выдернул деньги и, не считая, сунул в свой карман. Потом переступил через Глеба, и легко поднял из кресла Ольгу.

Она попыталась сопротивляться, но, связанная, могла только извиваться в его руках.

Коромысло крепче притиснул ее к себе, утихомиривая, потом, ударил несколько раз, обездвиживая, бросил на плечо и направился к выходу.

Люди у лифта испуганно посторонились, когда Вольдемар зло повел пистолетом перед ними.

Вышли на улицу. И здесь столкнулись с непредвиденными обстоятельствами. А Судоркину пришла в голову мысль, что не может ему постоянно везти.

Перед ними стоял автомобиль Корозова с водителем и охранником, какого Исай вчера прикрепил к Глебу. Еще не отъехал от подъезда, потому что водитель Никола показывал охраннику на окна квартиры и недоумевал:

– Глянь-ка, что-то света нет. Что он там без света делает? Может, проверить, все ли нормально? Надо было тебе до двери проводить его! Мы с ним, Толик, бывало в такие передраги попадали, тебе и не снилось. Так что на сонное цар-

ство тут не рассчитывай!

– Ты же видел, он отказался. Я хотел, – пробормотал охранник, выпятив тонкие губы. Он был крепок на вид, но еще не втянулся в роль охранника.

– Хотел, хотел, – недовольно проворчал Никола. – Надо не хотеть, а делать. Подождем еще немного, если ничего не изменится, пойдем наверх.

Стали ждать. А когда из подъезда вынырнули двое с женщиной на плече, водитель насторожился и через секунду узнал Ольгу, забившуюся в руках Коромысла.

– Атаc! – крикнул охраннику, выхватывая травматик.

Оба стремительно выкатились из машины и бросились на Коромысло, чтобы отбить Ольгу. Сбили его с ног.

Тот, увидав пистолеты, опешил, оттолкнул от себя женщину, завозился на асфальте.

Изрыгая проклятья, Судоркин заурчал, ему никак не удалось выхватить ствол, потому что с двух сторон его долбили кулаки водителя и охранника. А тут еще из подъезда выскочили три парня на подмогу им.

Коромысло поднимался, но его опять сбивали с ног. Наконец, ему все-таки удалось вскочить, и он пустился наутек. Не устраивать же стрельбу возле подъезда.

Видя, как быстро поменялись обстоятельства, Вольдемар, наконец, выхватил ствол и выстрелил вверх, останавливая драку. А сам пустился следом за Коромыслом. Преследовать его не стали. Подняли с земли Ольгу, развязали.

Взбешенный, Судоркин в эту ночь не появился ни у Вобровой, ни у Врюсовой. Вместе с Коромыслом они набрали водки и пили у того до утра.

Правда, Коромысло не мучился от неудачи, постигшей их с Ольгой. Он был доволен, что они сорвали хороший денежный куш и могли как следует погулять на эти деньги. Он пьяно твердил Вольдемару:

– Не расстраивайся, кореш, я притащу тебе эту жвачку, как только скажешь!

На него Вольдемар смотрел, как на недочеловека. Он не умел довольствоваться малым, как Коромысло, он был максималистом – либо все, либо ничего.

Они сидели в тесной кухоньке за тесным столиком. На столешнице было несколько бутылок, стаканы, закуска, вилки, ложки, ножик. Большими кусками нарезанный хлеб кучкой навален сбоку. На газовой плите издавала запахи яичница, поджаренная с колбасой.

Квартирка была маленькая, съемная. Но Коромысло она вполне устраивала. Он снял сковороду с плиты, поставил посреди стола. Плеснул в стаканы себе и Судоркину водки и произнес тост:

– Давай выпьем, братан, за тех, кто чалится, кому небо в клеточку. Чтобы и у них наступило время воли с батареей бутылок на столе! – и выпил. – А этого мужика мы еще тряхнем! У него, видать, деньжата водятся. Живет-то он, видал,

как? Не то, что эта конура. Выдавим из него все, что тебе нужно!

– Ну, ну, – глухо сказал Вольдемар. – Смотри не надорвись. Сегодня ты сиганул, только пятки сверкали. Башку откручу, если в следующий раз поджилки дрогнут! – отхлебнул из стакана и полез вилкой за яичницей. А утром подставил голову под душ, привел себя в порядок и позвонил по телефону. – Я буду к обеду. Приготовь ее.

В обед подъехал к длинному кирпичному дому рядом с гостиницей, нырнул в крайний подъезд с узкими лестницами, подошел к крайней двери, крашеной в коричневый цвет, на первом этаже, нажал замусоленную серую кнопку звонка.

Его встретила молодая женщина крепкого телосложения в красной кофточке, похожей на мужскую рубашку, и джинсовых брюках. У нее были покатые плечи, налитые бедра и несколько резкие движения. Пегие волосы по плечи, прическа чуть растрепанная. На ушах тяжелые серьги, оттягивающие мочки вниз. Лицо чуть заостренное с острым подбородком и длинным разрезом глаз.

По-хозяйски войдя в квартиру, Судоркин с порога спросил:

– Ты покормила ее, Зинка?

– Она ни черта не жрет, Вольдемар, – сказала та, сводя брови.

– Заставляй, Зинка, заставляй! Не хватало мне, чтобы эта

чума подохла раньше времени! – проговорил Вольдемар и прошел вглубь.

Зинка прикрыла за ним дверь.

Коридор квадратный. Налево – кухня, туалет и ванная комната. Направо – комната. В ней платяной шкаф, стол со стульями и два дивана по разным стенам. Один – зеленый, другой – синий. Окно пластиковое со шторами. На подоконнике – скотч и ножницы. На столе какие-то коробочки и мягкая игрушка в виде лесного зверька.

На зеленом диване лежит Шехова. Лицо измученное, осунувшееся. Ноги и руки связаны. Рядом стул. На нем тарелка с остывшим супом.

Окинув ее, Вольдемар выговорил:

– Ты, жвачка, почему не жрешь?

– Не хочу, – не поднимая головы, ответила та.

– Брезгуешь? Не привыкла к такой жратве? – спросил Судоркин.

– Пусть развяжет. Все затекло, – попросила она.

– Развяжи! – сказал Зинке, и пока та срезала скотч, стоял, ждал. А когда Шехова освободилась от скотча, села на диване, спустив ноги, посмотрела ему в глаза, он придвинул к себе свободный стул. – Пришла пора поговорить.

Вдова была с правильными чертами лица. Глаза большие. Кожа светлая и гладкая. Пальцы рук не длинные, но и не короткие, средние. Волосы с каштановым оттенком. Сейчас они были смяты, чуть свалялись, требовали воды и шампуня.

ня, они привыкли к ежедневной укладке, следы ее сохранялись поныне. Ноги стройные, фигура красивая. Она опустила глаза, провела по запястьям рук, сказала:

– О чем еще говорить? Ты уже спрашивал.

– Все верно, я спрашивал тебя, дуру, да ты крутилась, как коза на веретене. А теперь советую крутеж прекратить, времени у меня на тебя нет. Кормить тебя из своих рук Зинка тоже долго не будет, – посмотрел на Зинку, которая стояла, опершись о косяк двери. – Дай-ка ей пожевать, пусть пошамкает по-людски.

Оторвавшись от двери, Зинка недовольно пробурчала что-то себе под нос, взяла тарелку с остывшим супом со стула и понесла ее в кухню. Оттуда принесла хлеб с колбасой и стакан с молоком. Поставила не на стул, а на стол, сверху положила хлеб с колбасой и снова отошла к двери.

Вдова продолжала поглаживать руки.

Наблюдая, как она это делала, Судоркин не сомневался, что сейчас та сосредоточенно думала.

– Ну, все, хватит мызгать ручонки! – проговорил. – Что надумала? У меня появились новые вопросы к тебе, но сначала ответь на старые. Успел ли твой муж что-нибудь рассказать Корозову до поездки к нему? Ну, скажем, по телефону, скайпу или еще как-то? И не говори, что ты не знаешь. Я не поверю. Где у него припрятаны драгоценности? Молчишь, жвачка? Не советую. Я только с виду такой добрый, а внутри я – зверь. Разозлишь меня, не пощажу! И знай, я не лох.

Я сразу допер, что Корозову что-то известно, когда узнал, что ты оставила ему перстень под матрасом. Ведь это знак. И не только о том, что ты была в номере. Он не дурак и без перстня все понял, ведь ты успела позвонить ему до этого. Но перстень тоже не может быть уликой, на нем не написано, что он оставлен тобой. Значит, этим перстнем ты сообщила ему о чем-то другом? А потому слушай мои новые вопросы! Где ты взяла перстень, и где остальные части гарнитура? Какое отношение к этому гарнитуру имеет Корозов? И о чем ты сообщила Корозову, оставив перстень под матрасом? – Судоркин произнес все это без перерыва, не отрывая взгляда от лица Шеховой.

Та устала глаза в пол и молчала. Конечно, надо было что-то ответить, и она сделала движение всем телом, как бы выражая готовность говорить, но только вздохнула. Она знала Вольдемара по тому времени, когда тот занимался у них на даче хозяйственными работами.

– Это ты убил моего мужа? – подняла глаза.

– Не пори чушь, дура, – возмутился Судоркин. – Ты знаешь, что твоего мужика не я ухлопал. Он мне нужен был живой!

– Я не знаю, – качнула она головой. – Скажи мне, если тебе известно?

– Не задавай больше таких вопросов, коза, иначе от моих ответов тебе станет очень плохо! – сказал Вольдемар. – Отвечай на мои вопросы и не упрямься!

– Я не знаю, что тебе ответить, – опасливо вымолвила вдова, переплетая пальцы рук. Ее голос чуть дрожал, как будто она готова была всхлипнуть.

– Не ври, коза, не валяй Ваньку, и не корчи передо мной пушистую ручную собачку! Предупреждаю! – медленно произнес он, как будто опутывал паутиной неявных угроз.

Выбора у Шеховой не было. Не отвечать на его вопросы было опасно, но и отвечать также опасно. Продолжительность ее жизни зависела от того, как долго он не узнает этих ответов. И пока он не узнает их, он будет нуждаться в ней. Но если он получит ответы, она ему больше не будет нужна, тогда уже ничто не спасет ее. Вот в такие моменты понимаешь, что молчание – золото.

– Ты все равно скажешь! – уверенно изрек Судоркин, будто услышал ее мысли.

– Я не знаю, – тихо повторила она.

Вскочив со стула, он ударил ее по лицу.

Отшатнувшись к спинке дивана, она вжалась в нее. Во взгляде застыло изумление, словно не понимала, как это он мог, как посмел ударить ее. Подняла руку, защищаясь.

Схватив ее за эту руку, он оторвал от спинки, и снова ударил. Его лицо стало злым.

И тогда она поджалась и изо всех сил, какие были у нее, ударила Судоркина ногами в живот, отталкивая от себя.

Охнув от неожиданности, тот согнулся.

Снова ударив его острыми каблуками босоножек, она уго-

дила на этот раз в плечо. Не удержавшись на ногах, он качнулся и завалился, стукнувшись затылком о стену.

По комнате разнеслась его безостановочная ругань.

У двери звонко засмеялась Зинка.

Вскочив, он схватил Шехову за горло:

– Где гарнитур с алмазами?! Зачем ты приехала к Коровову?! – повторял эти слова, как заведенный и душил женщину, в ярости не видя, что она начинает задыхаться. А когда заметил, отпустил и ударил. Бил, пока она не перестала чувствовать его удары.

– Хватит, Вольдемар, ты убьешь ее! – остановила Зинка, прижимаясь к дверному косяку.

– Не суйся! – прохрипел он недовольно.

– Я бы не совалась, если бы мне потом не пришлось прибирать за тобой, – бросила она, не двигаясь с места.

– Приберешь, не переломишься! – отступая от вдовы, огрызнулся Судоркин.

– Ни черта она не знает, Вольдемар! Я тоже подъезжала к ней, пыталась, пока тебя не было!

– Я же говорил тебе, не прикасайся к ней!

– А зачем прикасаться? У меня свои подходы! Ты бы лучше узнал, кто убил ее мужика и кто Оксаночке черепушку проломил? Наверно, он и загреб гарнитурчик! – Зинка длинно вздохнула.

Судоркин исподлобья посмотрел на неподвижное тело Шеховой, распростертое на диване:

– Тогда откуда у нее перстень оказался?

– Это я выясню. И про Корозова выясню. Ты только реши. Дай я займусь ею! Но все же, мне кажется, она ни черта не знает, Вольдемар! – Зинка оторвала плечо от косяка.

– Не уверен! Но ты все равно не тронь ее, я сам разберусь! И Найкова я найду, знаю, кто это, догадался.

С любопытством глянув на Вольдемара, Зинка не поверила его словам. А он ухмыльнулся, сделал паузу, и уверенно назвал кличку:

– Крыса!

– Крыса? – Зинка внезапно оживилась и напряжинилась, лицо заострилось еще сильнее, беспокойно переступила ногами. – А он-то, с какого боку выплыл?

– Все с того же боку! – произнес Судоркин. – Гарнитуром интересуется давно уже.

– Я слышала, Крыса по пустякам не работает. И следов не оставляет, – заметила Зинка. – Значит, он тоже гарнитурчиком интересуется?! А, может быть, и хапнул его уже. А если не хапнул, то тебе надо быть осторожным. Крысу кореша не жалуют, потому что опасаются. Он всегда появляется, когда его не ждут, и линяет так же мгновенно. Надо спешить, Вольдемар! Смотри, не приведи Крысу ко мне! Не будь дураком!

– Ты меня за кого держишь? – досада прозвучала в голосе Вольдемара, и он отошел от дивана.

4

После посещения его квартиры Судоркиным и Коромыслом, Глеб привез к Ольге врача, а потом распорядился Исаю об ее охране. Сообщил Акламину приметы бандитов. Исаю поручил проследить за Бобровой и Брюсовой. У него отпали сомнения в их причастности к этим событиям.

Скоро охранники засекли возле гостиницы мужскую фигуру, по описанию похожую на Судоркина. Проследили, как вошел в крайний подъезд длинного кирпичного дома неподалеку. Осторожно обложили подъезд и сообщили Исаю. Тот прибыл, прихватив с собой еще четверых парней.

Чтобы определить квартиру, где скрывался Вольдемар, расставил охранников на площадках. Внизу у входных дверей в подъезд поставил двоих, на межэтажных площадках по одному. Прождали полтора часа.

Сам Исай осторожно периодически курсировал между первым и верхним этажами, прислушиваясь к шумам. Последний раз прошел до верха, предупреждая охранников, чтобы не расслаблялись. И стал медленно спускаться. Уже находился на площадке между вторым и первым этажами, когда дверь крайней квартиры внизу приоткрылась и из нее выглянул Судоркин.

Он моментально обратил внимание на двух парней, куривших у входной двери, заметил, как они встрепенулись, а

сверху услышал шаги и наткнулся на хваткий взгляд Исаея. Мигом почувствовал опасность. Выхватил пистолет и, не целясь, выстрелил, а потом матюгнулся и скрылся в квартире, щелкнув замком и задвижками.

Кинувшись к двери, Исай ударил ее плечом, но дверь в ответ глухо охнула и не подалась. Изнутри раздался выстрел, пуля пробила дверное полотно на полсантиметра выше плеча Исаея. Он отодвинулся в сторону и две новых пули прошили дверное полотно точно в том месте, где только что была его грудь. Исай крикнул:

– Бросай ствол, оставлю живым!

– А ты сначала возьми! – крикнул из-за двери Судоркин и еще раз пальнул из пистолета. Потом крутнул головой по квартире, остановил глаза на Зинке. Та с пистолетом в руке стояла у него за спиной. Он бросил ей. – Держи их за дверь, пока я не уйду!

Кивнув, Зинка подняла ствол.

Вольдемар кинулся в комнату с окном на другую сторону дома. Распахнул створки и вскочил на подоконник. Последним взглядом окинул комнату, увидел на диване истерзанное побоями тело Шеховой. Сейчас стоило бы пришить ее. Рука со стволом потянулась к ней, но ноги оттолкнулись от подоконника и вынесли его наружу. Перебежав через улицу, он потерялся во дворах других домов.

В ответ на требование Исаея бросить оружие Зинка сделала пару выстрелов по двери, затем метнулась в кухню, обдала

струей воды пистолет, смывая свои отпечатки. Пробежала в комнату, выбросила оружие в распахнутое окно,хватила из тумбочки наручники, защелкнула на своих запястьях, и села на пол в углу комнаты.

Шехова на диване была без памяти. Зинка знала, что, очнувшись, та даст показания полиции против нее, но показания эти не пугали Зинку, ведь вдова сможет сказать только то, что было на самом деле. А именно, что Зинка держала ее в комнате по требованию Судоркина, кормила насильно, разговаривала с нею, но ни разу пальцем не тронула. Зинка уже придумала, что сама скажет полиции. Что Вольдемар запугал ее, заставил. А сегодня, когда, стервенея, измывался над Шеховой, она защищала ту, и за это он накинул на нее наручники. Вдова не сможет ничего ни подтвердить, ни опровергнуть. Была в это время без сознания.

Исай отправил охранников блокировать окна. Но опоздал. Судоркин уже ушел. Едва Зинка успела примоститься в углу и принять страдальческий вид, как один из охранников влез в открытое окно. Зинка, делая лицо испуганным, вжалась в угол, подобрал под себя ноги.

Скользнув глазами по ее красной кофточке, он метнулся мимо к входной двери:

– Смылся! – крикнул, открывая. – Через окно ушел!

С улицы влез еще один охранник, а в дверях выросла фигура Исаея.

Из угла Зинка протянула к нему руки в наручниках, при-

встала на колени, молча, но умоляюще смотря просящими глазами.

Опустив на нее глаза, Исай спросил:

– Ты кто?

– Зинка, – она трудно сглотнула слюну. – Здесь живу, – и торопливо выложила придуманную версию предыдущих событий.

Никак не реагируя, Исай слушая, то и дело бросая взгляд на Шехову во время Зинкиного рассказа. Его лицо не понравилось Зинке. Холодное, оно не прочитывалось ею. И это тревожило. Между тем, она быстро определила, что перед нею не полиция.

– А ты сам-то кто? – задала вопрос. – Только не вешай мне лапшу на уши! Небось, бандюган, как и мой квартирант? – глянула исподлобья.

– Ты что, нормальных людей от бандитов отличать научилась?

Сделав глубокий вздох, Зинка старательно показала на лице недоверие. Встала с колен и выговорила:

– Да кто вас разберет. Тот тоже нормальным представился, когда первый раз на ночлег попросился. А потом вот браслеты накинул, – и Зинка снова протянула вперед руки с наручниками на запястьях. – Сними.

Он снял.

Она быстро заправила в джинсы кофточку, какую сама же выдернула из-за пояса перед тем, как разлохматить воло-

сы и надеть наручники, чтобы создать видимость несчастной жертвы.

Он наклонился над вдовой. Она жива, и это было главным. Аккуратно срезал с нее скотч. Подозвал Зинку, ожидая топтавшуюся около окна, делавшую вид, что рада избавлению от Судоркина.

– Помоги ей! – распорядился.

Старательно Зинка захлопотала вокруг Шеховой. Сбегала в кухню за водой, из ванной прихватила полотенце, вытерла садины на ее лице, стала приводить в сознание.

Волосы падали Зинке на лоб, закрывали глаза, она то и дело отбрасывала их, цепляя пальцами тяжелые серьги на ушах.

Наконец, вдова очнулась, открыла глаза и не поняла сразу, что за люди возле нее. Смотрела на охранников опасливо. Попыталась подняться, поправляя измятую одежду.

Зинка помогла, сказав:

– Кончились твои мытарства, – кивнула головой на Исаю.

Глаза Шеховой остановились на нем:

– Ты кто?

– Я – Исай, начальник охраны Корозова. Меня Глеб прислал за тобой.

– Глеб? – в ее голосе появилось некоторое удивление. Она ладонью пригладила свалявшиеся волосы. – Но откуда он знает, где я?

– Он не знает еще, – сказал Исай. – И я не знал, что ты

тут. Мы пришли сюда за Судоркиным.

– Где он?

– Сбежал. Пока сбежал, – с сожалением произнес Исай. –

Но ничего, мы его достанем.

– Они вместе, – сказала про Зинку.

– Я знаю, – ответил он.

Зинка резко качнулась, ущипнула острый подбородок, сжала скулы, подумала, вот, подлюка, будет сейчас переть на меня!

Но вдова негромко проговорила:

– Ее я не знаю.

– Успокойся, – сказал Исай. – Будет еще время, все расскажешь.

Пригнув голову, Шехова всхлипнула, из глаз покатались слезы. Взяла со стула полотенце, каким Зинка обрабатывала ее раны, чистой стороной приложила к векам.

Отступив к окну, Исай позвонил Корозову.

Тот, услышав новость, бросил все дела, поспешил по адресу.

Когда Глеб вошел в комнату, Исай выпроводил всех и подвинул ему стул. Глеб сел перед Шеховой, взял ее за руку. Ему сделалось стыдно за то, что он сидел перед истерзанной женщиной такой здоровый и сытый. Его ссадины на голове от ударов рукояткой пистолета Судоркина, показались сейчас ничтожными и смешными, в сравнении с ранами вдовы. Было не по себе оттого, что не смог быстро найти ее и выта-

щить из рук бандита.

Вспомнил Ольгу, как та пострадала от Судоркина, и стал наливатьсЯ негодованием.

Теперь должен, просто обязан сделать все, чтобы прижать мерзавца к ногтю.

Стоило бы дать время Шеховой, чтобы немного оклематьсЯ, но он, тем не менее, спросил:

– Как все произошло, Люба?

– Судоркин был нашим садовником до недавнего времени, – взволнованно задышала вдова. – Жил у нас на даче. Но после убийства Павла работу сразу бросил. Однако иногда в городе попадался мне на глаза, как будто следил за мной. Но за неделю до моего отъезда сюда пропал. Я обрадовалась, думала, больше не увижу его. И забронировала в этой гостинице номер. Все сделала тайно, и тайком от всех поехала к тебе. Но, оказывается, зря обрадовалась. Судоркин все знал о моих перемещениях. Знал, когда я приехала сюда и где остановилась.

– Где же Павел откопал такого садовника?

– В этом городе, в этой проклятущей гостинице. Он встретил его случайно, но теперь, я думаю, что это было не случайно. Судоркин сумел расположить Павла к себе. Не знаю, чем. А потом, через некоторое время, он очутился в нашем городе и попался на глаза Павлу. Вот так и получилось. Судоркин хороший актер, он умело играл свою роль. Разве можно было предположить, кто он на самом деле? Такой вежливый был

и немногословный, и все делал старательно. Павлу пришлось по душе. А мне не понравился сразу. Смотрел он всегда не по-доброму. Вежливость его казалась мне лицемерной. – Шехова крепко сжала руками голову и надолго замолчала. Ей было тяжело вспоминать.

Не торопя женщину, Глеб подождал, а когда она подняла голову, спросил:

– Кто помогал ему в гостинице?

– Дежурная на этаже. Они вдвоем зашли ко мне в номер утром, спустя несколько минут после моего звонка тебе. Принудили перейти в другой, там связали руки, заклеили рот, отвели в подсобку, связали ноги и оставили до ночи. А ночью привезли сюда. – На лице у вдовы было мучительное выражение. Губы ее дрожали, в глазах стояли слезы.

Глеб заскрипел зубами. Получалось, что в то утро, когда он с Исаем приехал в гостиницу и пытался выяснить у Бобровой, куда пропала Шехова, она была недалеко, в какой-то подсобке. Глеб метнул взгляд на начальника охраны, тот, не спрашивая ни о чем, сорвался с места. В коридоре прихватил с собой пару охранников и выскочил из квартиры.

– Зачем ты хотела встретиться со мной, Люба? Откуда у тебя этот перстень? Почему он оказался под матрасом?

– Утром после звонка тебе, я случайно выглянула из номера в коридор и опешила. По коридору вместе с дежурной шел Судоркин. Я сразу сообразила, что это по мою душу. И первое, что пришло мне в голову, сунуть под матрац пер-

стену. Чтобы, если со мной что-то случится, как с Павлом, ты обыщешь номер и найдешь перстень. Я успела положить его под матрац во второй комнате, хотя спала в первой. Подумала, что во вторую комнату Судоркин заглядывать не станет. — Она откинулась к спинке дивана, прикрыла глаза, долго тяжело дышала.

Он уже корил себя за то, что не ко времени затеял весь этот разговор:

— Тебе надо в больницу, Люба. Я отвезу тебя.

— Ни в коем случае, — открыла она глаза. — Я боюсь. Он везде найдет меня.

— Около тебя будут мои люди. Круглосуточно, — постарался успокоить Корозов.

Но она словно не услышала, с придыханием продолжала говорить о Судоркине:

— Его надо найти. Это страшный человек.

— Не беспокойся, — успокаивал Глеб. — Никуда он не денется, полиция уже ищет его. И моим людям я поручил.

Люба снова прикрыла глаза.

Сейчас она казалась Глебу хрупкой, как хрустальная ваза тончайшего стекла, достаточно было одного неосторожного движения, чтобы все рассыпалось на осколки. Когда начинали дрожать ее губы, он хотел только одного — чтобы она успокоилась и ничего больше не произносила.

Но по ней было видно, что она сама желала скорее излить из себя все, что внутри накопилось. Однако было тяжело го-

ворить не только морально, но и физически. И все же она, не открывая глаз, прошептала:

– Ты нашел перстень. Ты все понял?

Не догадываясь, что он должен был понять, Глеб подтвердил:

– Я понял, что ты была в номере, что ты приехала. Ты сказала, что забронировала номер. Но на ресепшен не подтвердили твоей брони.

Подышав, вдова тихо ответила:

– Бронь действительно была. Но уже здесь я поняла, что Судоркину сообщили о ней, поэтому он очутился здесь. Он заранее знал, когда и куда я должна приехать. И ждал. И в гостинице меня ждали. Как только я вошла в холл, меня подхватил под руку охранник, а за ним откуда-то выскочила дежурная по этажу. Я была приятно удивлена, решила, что так уважительно обслуживают тех, кто бронирует места. Дежурного администратора на ресепшен не было. Дежурная по этажу повела меня наверх, сказала, что утром все оформится. Я и пошла, – она опять зажала руками голову. – Он бил меня по голове, он зверь. – Подышала чуть и закончила. – Павел мне говорил, что ты все поймешь, когда увидишь перстень.

– Что я должен был понять, Люба, кроме того, что я уже сказал? – осторожно осведомился Глеб.

– Разве ты не получил письмо от Павла? – воскликнула Шехова, приподнимая голову.

– Какое письмо? – качнулся к ней ближе он.

– Так ты ничего не знаешь? – она расширила глаза, вскинулась, напряглась, потом обмякла и через некоторое время тихо прошептала. – О господи, так тебе ничего не известно! Но как же так? – Ее руки задрожали, и она надолго замолчала, положив голову на спинку дивана и сомкнув веки.

Сидя неподвижно напротив, он смотрел, как она трудно вытягивала в себя воздух и так же трудно выдыхала, и не решался потревожить ее. Потом, надумав все-таки отвезти ее в больницу, стал тихо подниматься со стула. Но бесшумно сделать это не удалось, и он настойчиво проговорил:

– Я все-таки отвезу тебя в больницу. И... сообщу в полицию.

Но в ответ на его слова она вздрогнула, распахнула глаза, вскрикнула со страхом и отчаянием:

– Нет. В полицию не надо! – подалась вперед, пытаясь оторваться от сиденья. – Они ничего не должны знать! – испуганно схватила его за руку своими слабыми пальцами. – Про перстень они не должны знать!

– Но почему? – Глеб растерянно приостановился. – Объясни! – он не двигался с места. Сейчас он оказался в каком-то дурацком положении: ведь полиция уже знала от него о перстне. Он был обескуражен, не видел, как теперь должен вести себя, и произнес. – Но им известно.

Отпустив его руку, она вновь вся обмякла. Он как стоял в полусогнутом положении, так и остался в этой позе, пока она не прошептала:

– Я больше не могу говорить, – она не то чтобы не могла говорить, она не хотела говорить.

Почувствовав себя виноватым, Глеб не мог определить меры собственной вины. Он сделал не так, как требовалось. Но ведь он не знал, как нужно было. Распрямил спину и позвал охранников.

Те помогли подняться женщине с дивана и осторожно проводили в машину.

Оставшись один, Корозов набрал номер Акламина. Аристарх пообещал немедленно подъехать. Глеб распорядился охранникам до приезда Акламина не спускать с Зинки глаз, а сам повез Шехову в больницу. Дождался, пока ее положили в палату, и оставил возле двери двух парней.

Ее реакция на его слова о полиции была непонятной. Все было странно. Глеб был в замешательстве. Перстень не давал ему покоя.

Выскочив из Зинкиной квартиры, Исай прыгнул с охранниками в машину, быстро миновал расстояние до гостиницы. Можно было бы добежать, но он, как заведенный, механически выполнял эти действия. Застопорил авто у входа. Бросил и вбежал в холл, сметая с пути охранника у дверей. Пролетел взглядом по стойке ресепшен с сонной Вобровой, и кинулся по лестнице вверх, оставив своих людей внизу.

Выглянув из-за стойки, она посмотрела ему вслед недоумевающими глазами, приоткрыла рот и зевнула.

Он поднялся на этаж к столу дежурной. Но ее не было. Обежал весь коридор, заглядывая в номера, где открывались двери. В дальнем номере наткнулся на уборщицу, которая пылесосила ковер на полу. На вопрос о дежурной, получил неопределенное пожатие плечами, и расплывчатое:

– Была где-то.

Не найдя ее на этаже, Исай спустился в холл, подошел к стойке:

– Мне нужна Брюсова! – сказал.

Неторопливо подняв голову, Оксана пальцами одернула на груди цветную кофточку, отозвалась:

– Ты бы сразу спросил, а то бегаешь, как ошалелый, гостей наших пугаешь, охранника оттолкнул. А ведь он на работе. Зачем его обижать? Вот тебе понравится, если тебя будут толкать?

Покосившись на здорового крепыша, обидеть которого было не так просто, Исай проговорил:

– Мне не кажется, что он на меня обиделся. Он понял, что я тоже на работе. И хочу знать, где она?

– Недавно отпросилась, – отозвалась Боброва. – Заболела, сказала. Как больного человека не отпустить? Чтобы она заражала наших гостей? Нельзя. Они же потом не приедут к нам. Мы дорожим репутацией нашей гостиницы.

– Я это уже понял, – усмехнулся Исай. – У кого отпросилась?

– Ну конечно, у меня. У кого же еще? Я на смене адми-

нистратор. Или ты еще здесь кого-то видишь? – не спеша провела взглядом по холлу. – Не у охранника же ей отпрашиваться. Я ее отпустила. Если бы я знала, что ты скоро ворвешься, как оглашенный, станешь толкать охранника, бегать по лестнице, стучать по стойке кулаком и требовать подать тебе Брюсову, я бы задержала ее до твоего прихода. Но ведь я не знала, что ты появишься.

– Не сочиняй. Никто по стойке кулаком не стучит. У тебя богатая фантазия, – насупился он.

Конечно же, Исай не мог знать, что Судоркин сразу, как только затерялся во дворах жилых домов, позвонил Оксане:

– Я прокололся! – сказал ей. – Скажи Галине, чтобы немедленно пятки смазывала! Менты на хвосте, сейчас придут за нею!

Тут же Оксана подняла на ноги Брюсову:

– Галина, Вольдемар приказал немедленно убраться! Менты на горизонте.

Все бросив, Брюсова исчезла через боковой выход буквально несколькими минутами раньше появления Исаея.

Минуту он раздумывал, как поступить с Бобровой. Может быть, задержать и передать Акламину, пока эта курица тоже не сбежала. Однако Шехова ни слова не сказала об Оксане. Как бы не наломать дров. И остановил себя. Только произнес напоследок стандартную полицейскую фразу, хотя не был полицейским:

– Сообщите мне, когда появится, – взял на стойке авторучку

и листок бумаги, написал номер телефона.

Воброва тоже ответила стандартно, так, как должна была ответить, но не так, как думала:

– Хорошо, сообщу.

После гостиницы он с охранниками запрыгнул в машину и во весь опор помчался к Врюсовой домой. Охранник, следивший за домом, сообщил, что та не появлялась.

Пройдя в подъезд, он осмотрел дверь. Один из охранников достал из кармана связку ключей и начал подбирать ключ к замку. Один подошел, дверь поддалась. Исай осторожно шагнул внутрь.

Осмотрев квартиру, решил оставить в ней засаду. Уверенности не было, что Врюсова появится, она явно была предупреждена, но чем черт не шутит? Стоило рискнуть. Оставил двоих. Связался с Корозовым.

Оставшись с охранниками Исаея, зная, что к ней едет полиция, Зинка стала лихорадочно искать выход для себя. Если Исаю и Корозову худо-бедно удалось навешать на уши свою лапшу, то с полицией такой номер не пройдет. Тут ей могут прилепить что угодно. Похищение человека налицо. Судоркина нет, а она вот она, готовенькая. Да еще Шехова покажет на нее, как на соучастницу. Полный облом. Нары. Нет, только не это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.